

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ «СЛОВАРЯ КНИЖНИКОВ И КНИЖНОСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ»

Писатели и поэты XVII в.*

Лаврецкий Семен Федорович (по данным К. В. Харламповича — Иванович) (вторая половина XVII в.) — переводчик Посольского приказа. По сообщениям дипломата И. Г. Корба и иезуита Франциска Эмилиане (1699 г.), Л. — поляк и до перехода на русскую службу был доминиканским монахом (см.: Письма и донесения иезуитов о России. СПб., 1904. С. 32, 237). С 13 ноября 1660 г. до начала XVIII в. Л. служил в Посольском приказе переводчиком с польского и латинского языков. Неоднократно принимал участие в переговорах, ездил в составе посольств за границу, бывал в Варшаве, Вене, участвовал в заключении Константинопольского мирного договора 1700 г. С 1676 г. — дворянин московский. В 1680 г. занимает прочное положение среди переводчиков Посольского приказа (по величине жалованья стоит на третьем, а в 1690 г. — на втором месте). Сын Л. Афанасий также служил переводчиком в Посольском приказе.

Вскоре после поездки в Польшу в 1662 г. Л., по собственному признанию, «з Газким митрополитом писал и переводил три года книги ответные на богохульные статьи раскольника бывшего попа Никитки Пустосвята» (Белокуров. О Посольском приказе. С. 143). В 1675—1677 гг. Л. был одним из пяти переводчиков, переведивших с польского языка сборник нравоучительных рассказов «*Великое Зерцало*». Перевод осуществлялся по желанию царя *Алексея Михайловича* и под наблюдением царского духовника, протоиерея *Андрея Саввича Постникова*. Л. была поручена для перевода первая «доля» польского оригинала (им было, очевидно, издание 1633 г.). По аргументированной гипотезе Б. Вальчак-Срочиньской, ему был поручен перевод «прилогов» с 1 по 692 (по счету польского оригинала); Л. довел работу до 591 и всего перевел 384 «прилога», т. е. почти половину всех переведенных рассказов. Этот первый по счету перевод «Великого Зерцала» на русский язык распространения не получил и сохранился в нескольких списках.

В 1689 г. Л. перевел на русский язык «Новый и старый календарь течений небесных... на лето господне 1689» краковского математика С. Словаковича. Единственный известный список перевода (в сборнике БАН, Арханг. собр., С 228) принадлежал *Афанасию Холмогорскому* и был сделан со списка, принадлежавшего известному дипломату петровского времени А. А. Матвееву. В 1685—1690-х гг. принимал участие в переводе трудов по математике, навигации и истории (ЦГАДА, ф. 181, № 259).

Соч.: А. П. «Новый и старый календарь течений небесных на лето господне 1689» // Архангельские губернские ведомости. 1877. № 66. С. 2—4; <С перанский М. Н.> Высшие женские курсы: Семинарий по древней русской литературе. Вып. 9. «Великое Зерцало». Сергиев Посад, <1916>.

Лит.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1858. Т. 5; 1862. Т. 6; Владимирова П. В. «Великое Зерцало».

* Начало см. в предыдущем томе.

© С. И. Николаев, А. М. Панченко, Н. С. Демцова, Н. В. Поньрино, О. А. Белоброва, Н. Ф. Дробленкова, М. Д. Каган, Д. М. Булакин, М. А. Салмина, Н. Ю. Бубнов, В. К. Зиборов, Т. В. Булакина, А. Н. Гусева, Л. И. Сазонова, Я. Г. Солодкин, Л. А. Дмитриев, А. П. Богданов, Г. П. Енин, М. А. Федотова, Н. П. Парфентьев, А. Т. Шаликов, Е. И. Семенова, А. С. Лавров, 1991

М., 1884; Викторов А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890. С. 45—46; Соболевский. Переводная литература. С. 135; Белокуров С. О Посольском приказе. М., 1906. С. 131, 143—145; Покровский А. А. Календарь Словаковича и его русский перевод // Древности. Труды Славянской комиссии Московского археологического общества. М., 1911. Т. 5. Протоколы. С. 28—29; Харламович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 430—431; Walczak-Sroczuńska В. «Wielkie Zwierciadło przykłądów» — dzieje tekstologiczne // Slavia Orientalis. 1976. N 4. S. 493—508.

С. И. Николаев

Лазарь (ум. 14 IV 1682) — священник из Романова-Борисоглебска, активный деятель раннего старообрядчества, автор полемических сочинений и челобитных. Из слов Л. («имею на себе благословение святейшего патриарха Филарета Никитича, а рукоположение Варлама, митрополита Ростовского, и держу их благословением чин священства»). — Материалы. . . Т. 4. С. 265; ср. с. 281) ясно, что он стал священником в промежутке между 1619 и 1633 гг.: в 1619 г. был хиротонисан на ростовскую митрополию *Варлаам* (ум. в 1652 г.; см.: Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 333), а патриарх *Филарет* скончался 1 октября 1633 г. Л. родился 17 июля: «Июля в 17-й день был в печали велице, яко и в день рождения моего ослабы не имею, и от печали и хлеба не ядох» (Материалы. . . Т. 4. С. 264 — из челобитной царю от февраля 1668 г.). В этот день празднуется перенесение мощей преподобного Лазаря, «иже в Галасийстей горе постившагося». В последующие дни месяцеслова ни одного Лазаря нет. Следовательно, Л. был окрещен в самый день рождения (это, в частности, делалось в том случае, если ребенок появлялся на свет слабым). По возрасту Л. был по крайней мере на 10 лет старше *Аввакума*.

До 1653 г. сведений о Л. не сохранилось. Известно лишь, что он активно подвизался в движении «боголюбцев», в последние годы патриаршества *Иосифа* оказался в Москве и принимал участие в деятельности Печатного двора, был отстранен от «книжной sprawy» новым патриархом *Никоном* и вступил с ним в открытую распрю. Когда Никон начал аресты «боголюбцев», Л. скрылся у игумена Никанора в монастыре Саввы Сторожевского, но был схвачен и вслед за Аввакумом сослан в Тобольск. В ссылку Л. сопровождала его жена Домна (по-видимому, эта чета была бездетной) и подьяк *Феодор Трофимов*, верный его сподвижник.

В Сибири Л. пробыл больше десяти лет. Из свидетельств жившего в Тобольске *Юрия Крижанича* очевидно, что он снискал большую популярность проповедью старой веры (Крижанич, впрочем, постарался бросить тень на Л., утверждая, что он бражничал). «Неистовое прекословие» Л. привело к тому, что из Сибири в Москву он вернулся как арестант (в ноябре 1665 г.). Здесь у него были взяты «росписи», содержавшие критику церковных нововведений (эти «росписи» рассматривались на соборах 1666—1667 гг.; опровержению «росписей» посвящена вторая статья «Жезла правления», написанного *Симеоном Полоцким* и изданного в 1667 г.). Л. тотчас отправили на Север (его делом ведала Новгородская четь). Пунктом назначения был Пустозерск, но Л. на несколько месяцев задержали на Мезени, в Кладниковой слободке. Потом его морем на ладье доставили в Пустозерск, а оттуда 31 августа 1666 г. в оковах — обратно в Москву, где поместный собор заочно уже осудил Л.

Новое разбирательство дела происходило в присутствии «вселенских» патриархов. Л., представший перед ними в декабре 1666 г., предложил решать спор защитников старины и апологетов новизны «божьем судом». Он готов был взойти на костер, утверждая, что если стогрит, значит, правы «новые учителя», если уцелеет — «ревнители древлего благочестия» (эта мысль не оставляла Л. и позднее; в феврале 1668 г., призывая царя дать ему «очную ставку со властными и с новолюбными книжники», он приба-

вил: «А сверх, государь, очныя ставки, да повелит твоя божественная царская власть итти нам на общую правду, на божию судьбу, предо всем царством самовластно взыти на огонь во извещение истинны». — Материалы. . . Т. 4. С. 235—236). В апреле 1667 г. начались уговоры «церковных мятежников», в том числе и Л. Они происходили и на заседаниях собора, и в различных местах заключения (на Андреевском подворье, в Никольском-на-Угреше монастыре и др.). Уговоры ни к чему не привели. Л. вместе с другими был лишен сана и предан анафеме (17 июля 1667 г.). 26 августа был подписан указ о ссылке в Пустозерск Л., Аввакума, *Епифания* и симбирского священника Никифора. На следующий день на Болоте (в Замоскворечье) Епифанию и Л. «урезали» языки. Сосланные прибыли в Пустозерск 12 декабря.

Там в феврале 1668 г. «юзник поп Лазарь сказал за собою великое церковное слово и цареву тайное, и духовное дело патриаршее особь, и бил челом, писано к царю, и государь велел у него. . . о том великом церковном слове и о всем царском тайном и патриаршем духовном деле сказку взять» (Б а р с к о в Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912. С. 318). «Слово и дело» реальных следствий не имело, но имело следствия литературные — челобитную царю и «сказку» патриарху *Иоасафу II*.

14 апреля 1670 г. Л. вместе с Епифанием и дьяконом *Федором* был подвергнут второй «казни»: «Таже священника Лазаря взяли и вырезали язык из горла, кровь попошла, да и перестала; он в то время без языка и паки говорит стал. Таже положи правую руку на плаху, по запястье отсекли, и рука отсеченная, лежа на земли, сложила сама по преданию перьсты и долго лежала пред народы. . . Я на третьей день у Лазаря во рте рукою моею гладил, ино гладко, языка нет, а не болит, дал Бог, и говорит, яко и прежде. Играет надо мною: „Щупай, протопоп, забей руку в горло-то, небось, не отгъшу!“ И смех с ним, и горе! Я говорю: „Чево щупать, на улице язык бросили“. Он же сопротив: „Собаки оне, вражьи дети! Пускай мои едят языки“. Первой у него лехче и у старца на Москве резаны были, а ныне жестоко гораздо. А по дву годах и опять иной язык вырос, чюдно, с первой же величиною, лишю маленько тупенек» (Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Л., 1975. С. 57—58).

Как писатель Л. не был в Пустозерске особенно активен (хотя он был одаренным стилистом; ср. челобитную царю от февраля 1668 г.: «Римския и лятцкия власти с колоколцы ходят и побрякивают, а собачки за ними и перед ними ходят и потяквивают: по сему и у наших властей также быти собачкам». — Материалы. . . Т. 4. С. 234). Но Л. не остался в стороне от богословских споров Аввакума и дьякона Федора. Поддерживая в основном первого (когда по Аввакумову доносу дьякона «зниюли на снегу» стрельцы, Аввакум и Л. смотрели и потешались), Л. иногда признавал правоту второго (например, по вопросу о сошествии Христа в ад). Как мыслитель Л. разделял апокалипсическое настроение «ревнителей древлего благочестия» и внес свой вклад в разработку старообрядческого учения об антихристе (согласно Л., антихрист еще только «хочет быть»).

14 апреля 1682 г. Л. вместе с тремя «союзниками» был сожжен в срубе. Его вдова Домна, также сосланная в Пустозерск, надолго пережила мужа: с ней разговаривал, расспрашивая о пустозерских страдальцах, автор «Отразительного писания» *Евфросин*.

Соч.: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. «М., 1878». Т. 4. С. 179—284 («Роспись вкратце нововводным церковным раздором»; «Роспись вкратце, в чем новыя книги со старыми несогласны и не сходятся»; «О несогласии самих с собою книг. . .»; записка для царя Алексея Михайловича о бесчинном употреблении креста Христова; челобитная царю из Пустозерска; челобитная («сказка») патриарху Иоасафу II из Пустозерска); Б а р с к о в Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912. С. 53—67 («сказка» патриарху Иоасафу II из Пустозерска).

Лит.: Материалы для истории раскола за первое время его существования, изд. . . . под ред. Н. Субботина. <М., 1874>. Т. 4. С. 432—440 (документы о присылке Л. в Пустозерск в 1666 г.); <1876>. Т. 2 (соборное деяние о Л.); Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898. С. VII, XIV, 11, 15, 32 и след.; Дружинин. Писания старообрядцев. С. 186—188; Веселовский С. Б. Памятники первых лет русского старообрядчества. II, III // ЛЗАК. СПб., 1914. Вып. XXVI; Кудрявцев И. М. Сборник XVII в. с подписями протопопа Аввакума и других пустозерских узников // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1972. Вып. 33. С. 148—212; Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960. С. 58—59 (о сборнике ИРЛИ, Усть-Цилем. собр., № 10, возможно, автограф Л.).

А. М. Панченко

Леонтьева Евдокия Ивановна (вторая половина XVII в.) — дочь думного дворянина Ивана Замятни Федоровича Леонтьева, бывшего олонецким воеводой в 1667—1669 гг. (ум. до декабря 1670), автор писем и челобитных. Л. была одной из московских корреспонденток инока *Авраамия*, известного деятеля раннего старообрядчества (Л. присылала ему милостыню на Мстиславов двор, где Авраамий находился в заточении с 6 февраля 1670 г. до казни весной 1672 г., и стремилась, по-видимому, стать его духовной дочерью). По предположению Я. Л. Барскова, Л. могла быть адресатом послания Авраамия «к некоей дочери Христове». Сохранились два письма Л. Авраамию (автографы), датируемые 1671 г., и две ее покаянные челобитные (подлинники) царю и патриарху с просьбой о прощении, написанные после доноса о ее недозволенных прavitельством связях с иноком Авраамием. Кроме того, в автографах дошли два письма к ней и ее матери (Марии Владимировне Леонтьевой) братьев Л. Андрея Ивановича Леонтьева (от 16 декабря 1670 г.), служившего в полку князя Ю. А. Долгорукого и участвовавшего в разгроме движения С. Т. Разина, и Федора Ивановича Леонтьева (дата отсутствует), а также письмо к Л. от «стараницы Афанасии» с просьбой о милостыни.

Письма из семейного архива Леонтьевых (хранятся в ЦГАДА, ф. XXVII, Б. 14, № 29—35) представляют собой интересный материал для изучения стиля частной переписки XVII в. Письма Л. Авраамию — образец сочетания книжных канонов эпистолярного и риторического стиля с живой московской речью XVII в. Искушенность Л. в книжной риторике привела к возникновению четкого ритма и морфологических созвучий в тексте ее похвалы иноку Авраамию. Покаянные челобитные Л., напротив, написаны живым разговорным языком и напоминают о стиле «распространенных речей». Литературная образованность Л. опиралась, по-видимому, на семейные традиции: в собрании рукописей ГИМ хранится рукописная «Логика» Моисея Маймонида (Синод. собр., № 943, в 8^о, 134 л., южнорусский полуустав, первая половина XVII в.), принадлежавшая в конце XVII в. стольнику Федору Ивановичу Леонтьеву (брату). См.: Описание рукописей Синодального собрания / Сост. Т. Н. Протасьева. М., 1970. Ч. I, № 775 (Син 943). С. 162—163.

Соч.: Барсков Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912. С. 71—78; коммент. — с. 326—328, 369.

Н. С. Демкова

Лихачев Алексей Тимофеевич (ум. 1729) — учитель царевичей Алексея Алексеевича и Федора Алексеевича (будущего царя), книголюб; по свидетельству В. Н. Татищева, написал житие царя Федора Алексеевича, которое до нас не дошло («Лихачев, бывший учитель царя Федора II, жизнь онаго государя обстоятельно описал, которую я у него сам видел и читал, но после нигде достать ее и о ней навестать не могу». — Татищев В. Н. История Российская. М., 1768. Кн. 1. С. XIII). Л. был членом кружка Ф. М. Ртищева и имел целое книжное собрание. В 1724 г. он пожертвовал в Успенский женский монастырь в Александровской слободе часть своих

книг; в этот же монастырь после смерти Л., дожившего до глубокой старости, наследники передали принадлежавшие ему рукописи. Всего в Успенском монастыре находилось 12 следующих книг с владельческими и вкладными записями Л.: Стоглав и номоканон XVI в., Церковносоставник XVI в., Книга Григория Омиритского XVII в., Венец веры *Симеона Полоцкого* XVII в., Диоптра XVII в., Церковная летопись Барония XVII в., *Хроника Мацея Стрыйковского* XVII в., Лимонарь XVI в., Вопросы Григория, папы римского XVII в., *Житие Андрея Юродивого* XVII в., Хождение в святую землю Николая Радзивилла, воеводы виленского (перевод с польского XVII в.), Лечебник (перевод с польского XVII в.). Если принять во внимание, что в монастырь была передана, вероятно, лишь часть книг (здесь нет ни одной печатной книги), то Л. следует признать настоящим библиофилом.

В ГИБ (F.IV.159) хранится Степенная книга, принадлежавшая Л., о чем свидетельствует владельческая запись: «Сия книга окольных Алексея Тимофеевича Лихачева». Эта рукопись имеет предисловие, восхваляющее науку историю и говорящее о царе Федоре Алексеевиче как об инициаторе создания книги.

Лит.: Замысловский Е. Царствование Федора Алексеевича. СПб., 1871. Ч. 1. С. XXXV—XLII; <Архимандрит> Л<еонид>. Историческое и археологическое описание первоклассного Успенского женского монастыря в городе Александрове (Владимирской губ.) // Вестник археологии и истории, издаваемый Археологическим институтом. СПб., 1885. Вып. 1. С. 66; Вып. 2. С. 26—49; К а с а т к и н В. В. Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии, построенные до начала XIX столетия. Владимир, 1906. Ч. 1. С. 325—334; Л и х а ч е в Н. П. Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки // Русский библиофил. 1913. № 5, сентябрь. С. 21—25; РБС. «Латзика-Ляшенко». СПб., 1914. С. 482—483 (ст. В. Корсакова).

Н. В. Понырко

Лихачев Василий Богданович (вторая половина XVII в.) — стольник, наместник боровский, автор статейного списка. В 1659 г. был послан с дипломатической миссией из Москвы во Флоренцию к тосканскому герцогу («дуку») Фердинанду II. В посольстве было более 20 человек, в их числе дьяк *Иван Фомин*, вместе с которым посол составил статейный список о посылке в Италию. Путь дипломата начался из Архангельска на английском корабле; по прибытии в Ливорно московское посольство было принято герцогом в Пизе и перевезено во Флоренцию, где москвичи пробыли около месяца. Они видели карнавальное празднество с поразившими их масками («в личинах всяких цветов»), строительное храма из камня аспиды (мрамора), собрание раритетов, в том числе глобусы, заводные шкатулки и т. п. Подробное описание получил в статейном списке церемониальный прием послов Фердинандом II. Во Флоренции Л. и его спутники посетили три театральные постановки, сильно их поразившие сменой сцен и эпизодов, декорациями, бутафорией и театральной механикой. Эти чисто внешние впечатления, по-видимому, заслонили от московских зрителей содержание театральных постановок, возможно, оставшееся даже непонятным за отсутствием переводчика (скончавшегося еще на корабле при отплытии из Архангельска). В статейном списке отражен интерес «флорентского князя» к сибирскому пушному промыслу. Примечателен диалог о значении фигуры всадника в гербе Московского государства: посланники пояснили герцогу, что это не св. Георгий, а «сам царь с копьём». Посланники отметили роскошь загородных дворцов с их садами, фонтанами, играми, музыкой. Необычен для них показался прием в их честь, устроенный герцогиней («кнейней Анной»). Посол и дьяк получили от герцога по золотой цепи и по штуке дорогих тканей; более мелкие дары были вручены и остальным членам посольства. Из Флоренции путники выехали обратно на родину сухим путем — через Болонью, Модену, Веджио, Парму, Пьяченцу, Лоди, Милан, Лугано, Белинзону до Сен-Готарда. При переходе

через альпийский горный перевал подъячим было велено нести на руках «флорентийского князя лист» и статейный список. Часть пути послы плыли по Женевскому озеру — до Люцерна и далее в Базель; дальнейший путь по Рейну привел послов в Амстердам, откуда они семь недель плыли на трех кораблях к Архангельску. Сопоставление статейного списка послов с текстом наказа показывает, что последний послужил источником для титулатуры и других устойчивых формул. В языке статейного списка встречаются иностранные термины: бурмистр, генерал, граф, доктур, комидия, комиссия, куранты, курфирст, маркиз, резидент, рейтары, салдаты, секретарь, сенатор и др. В научной литературе и в хрестоматиях часто цитируются театральные впечатления Л.; в то же время цели посольства не уяснены. В ряду других статейных списков посольство Л. — Фомина отличается свободным, близким к разговорному языком.

Соч.: Статьиный список посольства дворянина и Боровского наместника Василья Лихачева во Флоренцию в 7167 (1659) году // ДРВ. 2-е изд. М., 1788. Ч. 4. С. 339—359; Чертков А. Описание посольства, отправленного в 1659 году от царя Алексея Михайловича к Фердинанду II-му, великому герцогу Тосканскому // Русский исторический сборник. М., 1840. Т. III, Кн. 4. С. 309—369; Статьиный список. . . // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1871. Т. 10. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Папским двором и итальянскими государствами (1580 по 1699 г.). Стб. 509—670.

Лит.: Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. Опыт исторического исследования. СПб., 1888. С. 145—148; Ильинский Л. К. Русский с на Западе в 1659 году // Сборник статей в честь Д. А. Корсакова. Казань, 1913. С. 211—228; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 421—422.

О. А. Белоброва

Лысенин Тимофей Матвеев (конец XVII—начало XVIII в.) — старообрядческий писатель, автор полемических сочинений. Первоначально жил в Москве, затем около 1708 г. переселился в Нижегородские пределы — в Городец и сделался вскоре одним из предводителей керженских старообрядцев-поповцев. По прибытии на Керженец Л. принимал участие в полемике с известным старцем Онуфрием из-за «писем» протопопа Аввакума, обличая в них «неправое мудрование». Под влиянием Л. многие из керженцев отвернулись от Онуфрия, как, например, старец Никодим, написавший об этом письмо к Л. В ответном послании от 18 октября 1708 г. Л. одобрял поступок Никодима и призывал его отказаться от общения с Онуфрием.

Известно письмо Л. к старцу Онуфрию от 22 июня 1708 г., в котором он убеждал «отложить спорныя и нецерковныя» письма Аввакума, «понеже они несогласны с божественным писанием» как в учении о св. Троице, так и в учении о кресте Христовом.

Около 1709 г. была написана так называемая «Книга» Л., состоящая из 51 главы и включающая главы, посвященные единосущной, нераздельной Троице, воплощению Сына Божия, единому престолу Троицы, поклонению честным иконам, «нововерцам», под которыми автор подразумевал почитателей спорных «писем» Аввакума, выпискам из «еретических писем» протопопа Аввакума.

Духовный отец многих керженских старообрядцев (в том числе и дьякона Александра), ветковский старец из Покровского монастыря Феодосий вызвал Л. с учениками на собор с целью «досмотрить и с божественным писанием сличить» «Книгу» Л. Но Л. «Книгу» на собор не принес, он стязался со старцем о формах креста Христова («Описание прения старца Феодосия с неким Тимофеем Матвеевым Лысениным и с их единовольники о честном и животворящем кресте Христове» издано: Лилеев М. И. Материалы для истории раскола на Ветке и в Стародубье. Киев, 1893. С. 3—9) и остался при своем «мудровании», вследствие чего собор постановил не иметь с ним общения.

Вскоре, в 1710 г., на Ветке состоялся новый собор (по жалобе кержачков на дьякона Александра, попа Димитрия и Л. за то, что они «начаша новое кадити двукратно и трекратное каждение оставиша». На этот раз на собор явились дьякон Адександр и поп Димитрий. В результате работы собора Александр и Димитрий дали клятву своему духовному отцу Феодосию от своего «мудрования» отстать «и написанную книгу о том мудровании советника их Тимофея Лысенина сыскати, и тою книгу принести пред нижегородских отец на собор, и в той книге несогласное и противное мудрование, чтоб до конца истребити». Но, вернувшись на Керженец, дьяконовцы продолжали свою прежнюю практику, а книгу Л. на собор не явили.

В 1720 г. после казни дьякона Александра на соборной нижегородской площади Л. вместе с большим числом единоверцев переселился на Ветку. Здесь пришлецы очень скоро заявили о своих несогласиях с ветковцами, и начался раздор. Главного виновника обострившихся отношений видели в Л. «А ныне оный Тимофей прииде с поборники своими и прельстиша обители нашей старца Сергия, и той чернец Сергей присовокупи поборников к себе», — писали ветковцы. На ветковских диспутах 20-х гг. XVIII в. обрываются наши сведения о Л.

П. С. Смирнов обнаружил рукопись ГПБ, собр. Погодина, № 1256 с «Книгой» Л. Сборник Погодинского собрания, № 1256 состоит из 4 частей. Первую из них составляет «Книга» Л., а третью — Сказание о распрях из-за спорных «писем» протопопа Аввакума, составленное в 1710 г. П. С. Смирнов доказал, что автором и этого Сказания является Л. Сказание содержит подробный рассказ о догматических спорах в старообрядчестве, о начале их в Пустозерске между протопопом Аввакумом и дьяконом *Феодором* и о продолжении на Керженце; рассказ заканчивается описанием собрания 6 октября 1708 г. Затем идет «Обличение от святого писания на несогласные письма протопопа Аввакума и на заступников тех писем: старца Онуфрия и Иерофея бельца и единомышленников их». В этом обличении есть «Сказание вкратце» сначала о спорах Аввакума с диаконом *Феодором*, затем — о собраниях на Керженце (начиная с собора 1693 г.) и более подробный рассказ о последних сходах на Онуфрия (начиная со сходки в кельях матери Голиндухи).

И «Книга» и Сказание Л. известны по одному списку. «Книга» не опубликована.

Соч.: Е с п и о в Г. Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб., 1863. Т. 2. С. 244—248 (письмо Онуфрию); Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. «М., 1887». Т. 8. С. 204—353 (Сказание о распрях из-за спорных «писем» Аввакума).

Лит.: Обличение на раскольников, сочиненное Василием Флоровым // Братское слово. 1894. Т. 1. С. 476; С м и р н о в П. С. 1) Новый труд по истории раскола // Христ. чт. 1895. Ч. 2. С. 542—544; 2) Внутренние вопросы в расколе в XIII веке. СПб., 1898. С. 192; 3) Из истории раскола первой половины XVIII века. СПб., 1908. С. 99—196; 4) Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909. С. 33—40, 111—119, 262—280, 311—329; Л и л е в М. И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII—XVIII вв. Киев, 1895. Вып. 1, С. 169, 192—198, 208, 405—428.

Н. В. Поньрько

Ляпунов Прокопий Петрович (ум. 22 VII 1611) — политический деятель, организатор и руководитель Первого народного ополчения, автор посланий и грамот. Происходил из старинного дворянского рода, в событиях первого десятилетия XVII в. стал политическим лидером рязанского дворянства. После смерти *Бориса Годунова* целовал крест Лжедмитрию I; когда воцарился Василий Шуйский, присоединился к восстанию *И. И. Болотникова*. Однако 15 ноября 1606 г. во время подготовки восставших к блокаде Москвы отряды во главе с Л. и Г. Ф. Сумбуловым перешли на сторону Шуйского. Щедро вознагражденный царем, возве-

денный в чин думного дворянина и назначенный воеводой Рязани, Л. стал фактически неограниченным властителем Рязанского края. К началу 1610 г., как свидетельствуют некоторые летописные источники, Л. вновь изменяет свое отношение к правительству Василия Шуйского; он активно способствовал его свержению.

В конце 1610 г. с началом открытой польско-шведской интервенции Л. начинает подготовку и с января 1611 г. возглавляет организацию Первого народного ополчения. Формируя ополчение, Л. добивается союза с оставшимися после разгрома «Тушинского вора» отрядами (так называемыми казацкими «таборами») во главе с Д. Т. Трубецким и И. М. Заруцким. С конца января 1611 г. Л. начинает рассылку по городам агитационных грамот, обращенных ко всем слоям населения, где, не скупясь на посулы, обещает «боярским людям, крепостным и старинным. . . воли и жалованья. . . как и иным казаком». На призывы рязанского воеводы откликнулись жители Костромы, Нижнего Новгорода, Суздаля, Галича, Владимира, Ярославля, Казани, Муром, Вологды, Перми и многих иных городов. В феврале 1611 г. началось продвижение отрядов к Коломне и Серпухову, а 3 марта Л. с «нарядом» и «гуляй-городом» двинулся из Коломны к Москве. Однако к моменту вспыхнувшего в Москве 19 марта 1611 г. восстания против оккупантов его отряды не успели, и восстание было подавлено.

1 апреля 1611 г., когда формирование Первого ополчения, происшедшее в течение января—марта 1611 г., было завершено, объединенные отряды под предводительством Д. Т. Трубецкого и И. М. Заруцкого осадили Московский Кремль и Китай-город. Однако успешным действиям ополчения препятствовали социальные противоречия между сословными группировками внутри ополчения и установившаяся между воеводами, по словам *Летописца Нового*, «рознь великая». Имевшие боярский чин, Д. Т. Трубецкой и И. М. Заруцкий не считали для себя обязательным признавать авторитет Л., который первоначально занимал главенствующее место в «законодательном органе» Первого ополчения «Совете всей земли». Для прекращения розни было создано правительство триумvirата, в котором по чину первые места заняли князь Д. Т. Трубецкой и боярин И. М. Заруцкий, а третье — думный дворянин Л., продолжавший, однако, сохранять первенство в руководстве ополчением. Но руководство Первого ополчения не смогло достичь ни внутреннего согласия, ни установить прочный порядок на территории Московского государства, признавшей его власть.

30 июня 1611 г. Л. было осуществлено создание «Приговора», раскрывшего крепостническую суть социальной программы землевладельческих верхов ополчения — не только боярства, но и дворянства, а также зажиточной верхушки казачества («старых казаков»). Взрыв протеста в социальных низах ополчения был вызван обнародованным указом возвращать «боярских крестьян и людей» в прежнюю «крепость», их «старым помещикам» («надлежит по сыску крестьян и людей отдавать назад старым помещикам»), т. е. полным нарушением данных ранее Л. агитационных обещаний. Это послужило одной из основных причин его гибели и распада ополчения.

Первое покушение на Л. было спровоцировано самовольной (вопреки предписанию «Приговора») расправой Матвея Плещеева над 28 нарушившими дисциплину казаками. Вспыхнувшее в связи с этим в отрядах волнение побудило Л. сделать попытку к побегу из подмосковного лагеря в Рязань, от которого, впрочем, его удалось отговорить. Однако вскоре после этих событий, по рассказу Нового летописца (достоверность которого не имеет фактического подтверждения и ставится историками под сомнение), И. М. Заруцкий в створе с паном Гонсевским подделали руку Л. и создали от его имени «изменную» грамотку, из которой следовало, что тот якобы сносился с поляками. Для разбора этого дела Л. был вызван

на казацкий «круг» (на котором отсутствовали и Д. Т. Трубецкой, и И. М. Заруцкий) и зарублен атаманом Сергеем Карамышевым. Смерть Л. послужила началом открытой междоусобицы в подмосковном лагере и распада Первого ополчения.

Эпистолярное наследие Л. сохранилось далеко не полностью. В городских грамотах 1608—1612 гг., деловых актах того времени, Новом летописце и других источниках имеются свидетельства о посылке им личных грамот и посланий царю Василию Шуйскому (в ноябре 1606 г. — по поводу перехода в царские войска из отрядов И. И. Болотникова), а затем — против Шуйского, когда, по словам Нового летописца, Л. «нача на царя Василья умышляти всякими умыслами и по городом нача писати от себя в Колугу к Вору посылаше» (Лжедмитрию II), а также посланий М. В. Скопину-Шуйскому и Д. М. Пожарскому (ПСРЛ. Т. 14, ч. 1, С. 92). Согласно рассказу Нового летописца свое послание М. В. Скопину-Шуйскому Л. направил как поздравление по случаю одержанной полководцем победы над интервентами под Александровской слободой. Не ограничиваясь поздравлением, он, однако, выражал в нем пожелание видеть на царском престоле вместо Василия Шуйского его племянника («здороваша на царство, а царя ж Василья укорными словесы писаша»). М. В. Скопин-Шуйский, прочтя грамотку, разорвал ее, а привезших ее посланцев сначала приказал арестовать и отправить в Москву к царю, но затем, учтя их непричастность к делу и «не хотя их крови», отпустил в Рязань. Послание Л. Д. М. Пожарскому в Зарайск было вызвано известием о смерти 23 апреля 1610 г. М. В. Скопина-Шуйского и волной народного возмущения против Шуйских, особенно против брата царя Дмитрия Шуйского. Л. призывал в послании «мстити смерть царю Василью князь Михайла Васильевича». Однако Д. М. Пожарский остался верен присяге Шуйскому и отослал грамоту царю. После свержения Василия Шуйского и договора боярского правительства об избрании на царство королевича Владислава Л., по словам Жолкевского, посылал к гетману своего сына Владимира с приветствием по этому случаю (Платонов. Очерки. . . С. 371). Все эти личные послания Л. не сохранились; не дошла до нас и тайная его переписка с братом Захарием, находившимся под Смоленском, и с московским стольником В. И. Бутурлиным, разведывавшими замыслы интервентов.

Из нескольких посланий Л. правительству «семибоярщины» известно только содержание его грамоты в защиту патриарха *Гермогена*. В составе февральской грамоты 1611 г. во Владимир сохранилось авторское переложение содержания грамоты Л. к Я. П. Сапеге от 11 февраля 1611 г. Грамота Л. во Владимир написана по типу городских агитационных грамот 1608—1610 гг. В ней, следуя стилю деловой и городской переписки, он извещает о планах объединения отрядов Первого ополчения, о предложении Я. Сапегой союза Ю. Н. Трубецкому «с товарищи» (отряды которого располагались в Кауге) и объясняет владимирцам причину своего встречного предложения о заключении союза с Я. Сапегой, перелагая при этом содержание своего послания гетману, которое он отправил с племянником Федором Ляпуновым. Однако о стиле личной переписки Л. на основании этого переложения судить нельзя, так как пересказ уже предназначался для агитации среди широких кругов населения и, по-видимому, именно этим обусловлена его близость формам и языковым особенностям агитационной патриотической письменности той поры, вкрапление в текст просторечных оборотов (типа «у нас за хребтом не были»).

В том же стиле городской агитационной письменности в основном выдержаны и первоначальные агитационные грамоты, рассылаемые Л. в период формирования Первого народного ополчения в январе—марте 1611 г., в которых, однако, уже встречаются вставки литературно обработанного текста, по-видимому, принадлежавшие перу профессионального книжника. Агитационная направленность грамот Л., призывающих к во-

оруженному восстанию против интервентов («дерзость на кровь»), против присяги Сигизмунду III и против признания Владислава, близка агитационным призывам московской патриотической литературы рубежа 1610—1611 гг.: *Новой повести о преславном Российском царстве* и двум грамотам-воззваниям, написанным от имени осажденных смольнян (см. *Грамота смольнян*) и москвичей (см. *Грамота москвичей*). В тексте грамоты от 31 января 1611 г. в Нижний Новгород прослеживается даже стилистическое влияние московской патриотической литературы — те же метафоры и приемы ритмизации прозаической речи («и мы боярам московским давно отказали и к ним о том писали, что они, прельстися на славу века сего, Бога отступили и приложилися к западным и к жестосердным, на своя овца обратились»). Чтобы можно было, «не задержав. . . отписать» ответ, Л. обычно рассылал свои грамоты с гонцами в сопровождении стряпчих или дьяков (часто посыльным оказывался его племянник Федор).

Начавшееся после 1 апреля 1611 г. формирование аппарата для управления всеми объединенными силами (отрядами Л., Д. Т. Трубецкого и И. М. Заруцкого) и возникшая при этом необходимость упорядочения ведения дел в Разряде и Приказах привлекли к делопроизводству Первого ополчения целую группу профессиональных писцов, дьяков и стряпчих, среди которых кроме лиц, руководствовавшихся традиционными приказными приемами, оказались также и книжники, искушенные в литературе, такие как Марк Поздеев. Агитационные грамоты за апрель—июль 1611 г. (включая окружную грамоту триумvirата от 23 июня), шедшие сначала за подписью одного Л., а затем всех членов триумvirата, особенно отличаются литературной обработанностью текста и обильным употреблением в них традиционных литературных формул воинских повестей и агитации. Типичны в этом отношении апрельские грамоты в Казань (СГГ Д. Ч. 2, № 251) и в Соль Вычегодскую (ААЭ. Т. 2. № 185), а также грамота от 12 июля 1611 г. (ААЭ. Т. 2. № 188). При описании польско-литовской интервенции в апрельской грамоте в Казань использована, например, такая общая литературная формула, как: «. . . города взяли взятъем и православных крестьян, мужеского полу и женского и до сущих младенцев, различными смертми скончаша». Картина разгрома Московского восстания 19 марта 1611 г. в той же казанской грамоте (а также в грамоте от 11 апреля 1611 г. в Соль Вычегодскую) заменена традиционным для воинских повестей описанием, лишенным всякой исторической конкретности (столь характерной для агитационной патриотической городской письменности 1608—1610 гг. и первых грамот Л.): «Московское государство выжгли и высекли и многие Божии церкви и монастыри осквернили и разорили, и раки чудотворных мощей разсекли, и чудотворные мощи поругали, и во многих Божиих церквах лошади поставили. . . и многое убийство, и поругание, и осквернение иноческому чину учинили. . . и. . . матерей, и жон, и детей, и до сущих младенцев, безлюбивыя души, лютой и горкой смерти предаша. . . И сия вся, нашедшая на ны злая, грех ради наших». Сохранились черновые заготовки грамот, составленных еще при жизни Л., но отправленных уже после его смерти Д. Т. Трубецким и И. М. Заруцким (например, грамота 24 июля—26 августа 1611 г. — Б о г о в л е н с к и й, Р я б и н и н. Акты. . . С. 37—38 и др.), в которых слова с именем «думного дворянина и воеводы Прокофья Петровича Ляпунова» последовательно вычеркнуты. Всеми членами триумvirата был подписан «Приговор» 30 июня 1611 г., в котором наиболее отчетливо отразилась социальная программа Л. со всеми ее противоречиями.

Агитационная патриотическая городская письменность откликнулась на смерть Л. высокой оценкой исторического значения его деятельности как организатора и руководителя национально-освободительного движения. В казанской грамоте, распространявшей известие о гибели Л., он назван «промышленником и поборателем по Христове вере», «который

стоял. . . за Московское государство против польских и литовских людей и русских воров» (СГГ Д. Т. 2, № 269. С. 568—569).

Соч.: СГГ Д. М., 1819. Т. 2, № 228. С. 497—498; № 238. С. 509—510; № 251. С. 535—537; № 252. С. 537—538; № 262. С. 547—549; ААЭ. СПб., 1836. Т. 2, № 176. С. 301—302; № 182. С. 311—312; № 185. С. 315—316; № 188. С. 325—327; № 191. С. 330—331; АИ. СПб., 1841. Т. 2, № 319. С. 375—376; № 328. С. 394—395; Юшков в А. Акты XIII—XVIII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч. 1. 1257—1613 гг. М., 1898. С. 286, 291—301, 305. 319—321; Забелин И. Е. Минин и Пожарский: Прямые и кривые в Смутное время. 4-е изд., доп. М., 1901. С. 57—65, 226—231, 260—268 (1-е изд.: Русский архив. 1872, № 2—6, 12; 2-е изд. М., 1883; 3-е изд. М., 1896); Весселовский С. Б. Акты Подмосковных ополчений и Земского собора 1611—1613 гг. М., 1911. С. 1—4, 7—9, 16—19, 56—57, 163 (Отд. отт. из ЧОИДР. 1911. Кн. 4); Памятники истории Нижегородского движения в эпоху Смуты и Земского ополчения 1611—1612 гг. // Сборник Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. СПб., 1912. Т. 11. С. 48—50, 52—56, 58—80, 82—124, 181—182; Богоявленский С. К., Рябинин И. С. Акты времени междоусарствия (1610 г. 17 июля—1613 г.) // ЧОИДР. М., 1915. Кн. 4. С. 19, 37—41, 44—46.

Лит.: Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб., 1899; переизд. М., 1937. С. 211—213, 247—248, 252—257, 274—280, 334—339, 369—392; Корсаков В. Ляпунов Прокопий Петрович // РБС. СПб., 1914. Т. 10. Стб. 834—842; Лубимов П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939. С. 41—42; Шепелев И. С. 1) Вопросы государственного устройства и классовые противоречия в Первом земском ополчении // Сб. науч. тр. Пятигорского пед. ин-та. Вып. 2. Сер. ист.-филол. Пятигорск, 1948. С. 101—137; 2) Организация земского ополчения в 1611 году // Учен. зап. Пятигорского пед. ин-та. Каф. обществ. наук. Ставрополь, 1949. Т. 5. С. 171—189; 1951. Т. 6. С. 207—254; 3) Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957. С. 79, 129—131, 150—151, 183—184, 208—210, 427, 490—491; 4) К вопросу о внутрифеодальной борьбе в Русском государстве в годы польско-литовской интервенции в начале XVII в. // Изв. Воронежского пед. ин-та. Т. 31. Из истории Воронежского края. Воронеж, 1960. С. 132, 136—138, 143, 150—154; 5) Ляпунов Прокопий Петрович // Сов. ист. энциклопедия. М., 1965. Т. 8. Стб. 870—871; Смирнов И. И. Восстание Болотникова. 1606—1607. Л., 1951. С. 164, 168, 171—172, 184, 192, 255—257, 260, 293—298, 302—303, 405—406, 439—440; Долинин Н. П. Подмосковные полки (казацкие «таборы») в национально-освободительном движении 1611—1612 гг. Харьков, 1958. С. 5—78, 125—131; Бурдовниц. Словарь. С. 161, 247; Прокофьев Н. И. Видение как жанр в древнерусской литературе // Учен. зап. Моск. пед. ин-та. 1964. Т. 231. Вопросы стиля художественной литературы. С. 45—46; Солодкин Я. Г. К датировке и атрибуции «Новой повести о преславном Российском царстве» // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 112—113.

Н. Ф. Дробленкова

Малевинский Арефа (Арефей, т. е. Ерофей) (вторая половина XVII в.) — подьячий тотемской приказной съезжей избы, автор любовных писем (сохранилось тринадцать) 1686 г. к девице Аннице, сестре тотемского дьякона церкви Воскресения Михаила Федоровича Федотова. Автографы писем сохранились в составе судебного дела (ГИБ, ф. 299, собр. Зинченко, № 981). О М., ответчике по этому делу, известно лишь, что он был коренным тотемцем (его брат Дмитрий был священником тотемской Петропавловской церкви) и вдовцом (в письмах упоминается сын М.).

Обстоятельства судебного дела в изложении М. выглядят следующим образом. 14 августа 1676 г. дьякон Михаил Федотов назвал М. в гости и в клети своего дома «для смертной устратки» вынудил его написать сговорную запись о женитьбе на дьяконовой сестре Аннице. Свадьбе надлежало быть в первое воскресенье после Крещения 1687 г., а за неисполнение обещания предусматривалась неустойка в пятьдесят рублей. В тот же день М. подал жалобу на дьякона и потребовал дезавуировать сговорную запись.

Михаил Федотов со своей стороны объяснил дело следующим образом. В гости он М. не звал, «пришел де он, Аревка, в ночи к сестре ево. . . в клеть, а она де. . . Анница в клете спала с сестрой своей с девкой Федоркой». Федорка выбежала из клети, заперла ее, разбудила в избе дьякона с дьяконицей: «Пришел де приказные избы подьячей Арефа Малевинский

в клить к сестре моей. . . и сестру мою в клите изнасиловал». Дьяконов брат Ивашка залез на крышу, чтобы перенять М., а дьяконица позвала соседей. Вместе с ними дьякон вошел в клеть. М. стал им кланяться и попросил чернил да бумаги «и стал писать на себя полюбовную запись». Соседи показали, что «устратки и побоев» не было.

Дьякон требовал очной ставки с М., но тот сбежал в Москву. В конце концов архиепископ Великоустюжский и Тотемский Александр приказал разобрать дело, когда М. вернулся домой. 13 декабря 1686 г. архимандрит Спасо-Суморина монастыря Игнатий «с товарищами» свел на тотемском архиепископском дворе истца и ответчика. Из судебного разбирательства ясно, что встретились два плута. М. стоял на том, что «мучил де он, дьякон, ево, Аревку, в клите, хотел убить», причем ни Анницы, ни вообще посторонних людей при этом не было. Дьякон возражал; М. доказывал свою правоту тем, что стговорную запись не скрепили послухи, и тем также, что не было росписи о приданом. М. обвинял дьякона в клевете. Тот представил 13 «советных писем» (это русский синоним «billets doux»: ср. «совет да любовь»), «а сказал, те де письма ево Аревкина рука».

В судебном деле (39 составов) много автографов М. Он писал четкой и красивой приказной скорописью. Что до вклеенных в дело писем, то они написаны примитивным поздним полууставом. Нельзя полагать, что этот почерк рассчитан на «полуграматную» Анницу. Из опроса свидетелей выяснилось следующее: посредником между М. и Анницей Федотовой был «тотемець посадской дегина Лазарко Викторов» (а также Стенька Проккопьев сын Кузнецов). Лазарко показал: «В розных месяцах и числах носил он. . . от Арефы Малевинского многие грамотки в дом воскресенского диакона. . . к сестре его девке Аннице, а что де в тех грамотках было писано, того он. . . не ведает. А многие грамотки он, Арефа, к нему, Лазарку, на дом приносил и на площади ему. . . давал, и те де грамотки велел относить. . . Аннице. А она. . . к. . . Арефе от себя писала напротиво грамотки ж. И те де ее девкины грамотки к. . . Арефе относил он же, Лазарко».

М. запирался: «. . . те де писма рука не ево», чьи они и к кому писаны, он не знает, «потому что они писаны гладью и имен никаких в тех писмах не написано, и гладью писать он, Аревка, не умеет, а знатно де, что те писма воровские, потому что он де, дьякон, под многие писма рукою своею подписывался». Очевидно, что М. заранее старался избежать последствий своих домогательств. Действительно, в 13 письмах нет ни обращения, ни подписей.

М., искушенный в приказном крючкотворстве ярыжка, всячески пытался опорочить истца. Он обвинял дьякона в том, что и покойный отец его поп Федор, и сам он подделывали почерка тотемских подъячих ради выгоды. Дьякон отрицал это, и тогда М. обрушил на него множество «укоризн». У одного жителя Тотьмы Михаил Федотов якобы украл гуся; дьякон недостоин «у престола божия предстояти, потому что. . . у прежняго воеводы у Ивана Мичюрина украл борана, и того борана своими руками убил, а овчину с того борана сам ли снимал или нет, того он, Аревка, не ведает. И того же дни он, дьякон, литоргию божию служил». Истец опровергал обвинения, но их было слишком много: «и двух боранов у воеводы украл», и воеводские слуги взяли их из дьяконовой бани; «своровал, в хмельнике четырех боранов убил»; унес у кого-то «овин соломы овсяные из гумна»; «переносил воровски изо взорода рождественское сено» и т. д.

На оправдания дьякона у М. был заранее приготовлен список с челобитной некоего свидетеля-устюжанина. Там были эти и новые улики вплоть до того, что дьякон «ко Кручинихе ходит». М. в соответствии с приемом *argumentum ad personam* пытался так или иначе опорочить противника. Дьякон дрогнул, когда противник напомнил ему о распри с воскресенским причтом, с попом Иаковом и пономарем Ивашкой: они оби-

жают Михаила Федотова и в церковных доходах, и в сенных покосах; когда дьякон приходит кк поцу на благословение с стихарем и орарем, и он де поп Иаков на благословение к себе. . . не пускает, только де посылает с стихарем и орарем к нечистому духу». Наконец и дьякон ответил М. тем же, заявив, что брат ответчика «до поповства изнасиловал у тотемца у Федора Дюпина дочь ево девку Федосьицу», а у другой девки «добыл робенка».

Вся эта перебранка заняла целый день. Впрочем, М. не расположил судей в свою пользу. Хотя конец судного дела и не сохранился, ясно, что М. ожидало наказание.

Любовные («советные») письма М. — не исключение в эпистолярном наследии 80-х гг. XVII в. (ср. письма царевны *Софьи* князю *В. В. Голицыну*). Историко-литературная их ценность — вовсе не в «простонародности», потому что в то время в любовной переписке «социальные диалекты» еще не существовали. Тяжба тотемского подьячего и воскресенского дьякона — это тяжба двух плутов. М. наперед боялся осложнений (поэту он писал «глядью» и «без имяя»); Анница Федотова тоже действовала с задней мыслью, иначе она не сохранила бы записки своего соблазнителя и не передала бы их брату. Ничего романтического в отношениях М. и Анницы не было. «Советные письма» М. красноречиво характеризуют русский провинциальный быт конца XVII в.

Соч.: Гейман В. Г. «Billets doux» подьячего приказной избы гор. Тотьмы Арефы Малевинского к сестре тотемского дьякона девке Аннице, писанные в 1686 году // Начала: Журнал истории литературы и истории общественности. Пб., 1921. № 1. С. 204—207; Пянкратова Н. П. Любовные письма подьячего Арефы Малевинского // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 364—369.

А. М. Панченко

Марфа (в миру Ксения Ивановна Шестова) (ум. 27 I 1631) — инокиня, жена боярина Федора Никитича Романова из рода Захарьиных-Юрьевых, постриженного в монашество под именем *Филарета* по приказу *Бориса Годунова* и возведенного Лжедмитрием II в сан русского патриарха, мать царя *Михаила Федоровича*, автор писем. М. принадлежала к семье Шестовых, восходящей к Мише Прушенину, участнику Невской битвы, общему предку фамилий Салтыковых, Морозовых, Шеиных, Шестовых. Замужество приобщило ее к царствующему дому последних Рюриковичей. В первые годы царствования Бориса Годунова семья М. сохраняла свое высокое положение при дворе. Затем последовала опала Годунова на Романовых, опасных для него из-за их возможных притязаний на престол. В 1601 г. Федор Никитич был пострижен и сослан в Антониево-Сийский монастырь, жена его, — постриженная под именем М., — в Заонежье, в Егорьевский погост Толвуйской волости. Супруги были искренне привязаны друг к другу; судя по доносам пристава царю Борису, Филарет во время ссылки тревожился о жене и детях: «Милые мои детки! Маленьки бедные остались. Кому их кормить и поить? Мне же что надобно? Лихо на меня жена и дети, как их помянешь, ино што рогатиной в сердце толкнет»; «Где они, милые мои? Кому их кормить и поить? Жена моя бедная на удачу уже жива ли? Чаю, она где близко таково же замчена, где и слух не зайдет». В 1605 г. М. смогла переехать в Клин, где жили ее дети Михаил и Татьяна (двое, оставшиеся в живых, из шести ею рожденных).

После воцарения Лжедмитрия семья Романовых вернулась в Москву, где была встречена с почетом. Филарет получил сан Ростовского митрополита, 12-летний Михаил — чин стольника. М. была свидетельницей московских событий — встречи Марфы Нагой с Лжедмитрием и признания в нем своего сына, венчания на царство Марины Мнишек, гибели Лжедмитрия, воцарения Шуйского, к семье которого была близка. После занятия войсками Лжедмитрия II Ростова Филарет в 1608 г. переехал

в Тушино, где был объявлен патриархом, а в 1610 г. отправлен в Польшу с посольством для приглашения на русский престол королевича Владислава. Там он, задержанный Сигизмундом III в качестве пленника, оставался до 1619 г. М. с сыном до 1612 г. находились в Москве, в Кремле, где пережили схватки москвичей с поляками, осаду Москвы. После освобождения столицы она уехала в Кострому в Ипатьевский монастырь. Роль М. в государственных делах до возвращения из Польши Филарета довольно значительна. К ней обращается московское великое посольство в феврале 1613 г., «чтобы государыня пожаловала, благословила сына на царство». Дав согласие на венчание Михаила, она становится «государыней великой старицей инокой Марфой Ивановной». Поселившись в Кремле, в Вознесенском монастыре, в бывших хоромах Марфы Нагой, она держит в руках дворцовое хозяйство, ее имя ставится в государственных грамотах, от ее имени идут пожалования монастырям и приближенным лицам. У нее свой двор с целым штатом светских прислужниц и стариц-инокинь. М. окружена царской роскошью, в ее хоромах отпусаются из царской казны деньги, драгоценности, ткани, церковная утварь, книги.

После возвращения Филарета влияние М. ограничивается семейным кругом. Она сопровождает сына в его поездках на богомолье, в пеших хождениях к Троице. М. не потеряла своего авторитета и после женитьбы Михаила на *Евдокии Лукьяновне Стрешневой*. Умерла М., возможно, скоропостижно, погребена в Новоспасском монастыре в усыпальнице рода Романовых.

В 1619—1628 гг. во время поездок по монастырям М. писала Филарету письма. Опубликовано 47 писем: от 1619 г. — 14, 1620 г. — 11, 1621 г. — 2, 1622 г. — 4, 1623 г. — 3, 1624 г. — 1, 1627 г. — 5, 1628 г. — 7. Первые 14 писем были написаны в августе—октябре 1619 г. во время путешествия М. с сыном под Кострому на поклонение Макарию Желтоводскому в основанный им Унженский монастырь, где незадолго до того были открыты его мощи. Поездка совершалась по обету в благодарность за возвращение в июле 1619 г. из польского плена Филарета. Путешествие было тяжелым, в дороге М. болела. Обратный путь пришелся на глубокую осень, непогоду, о чем Михаил сообщил отцу в письме 24 октября 1619 г.: «. . . для великого непогодья и грязей произволили в Ростове дневати». «А из Ростова. . . пошли есмь октября в 24 день, в неделю, а идем, государь, мешкотно для того, что дожди и снега идут беспрестанно и грязи немерные, поспешить никоими мерами нелзе». Одно из писем, написанное М. 8 мая 1620 г., сообщает о прибытии ее и Михаила в Угрешский Николаевский монастырь, находящийся в 15 верстах от Москвы. Все остальные письма связаны с посещением дважды в год, весной и осенью, Троице-Сергиевского монастыря; в 1627 г. М. путешествует с сыном, невесткой Евдокией и внучкой Ириной; в 1628 г. еще и с внучкой Пелагеей. В 1629 г. М. идет в монастырь с сыном, невесткой, внуком *Алексеем Михайловичем* и внучкою Ириной; хотя она упоминается в письмах Евдокии и Михаила Филарету от 17 июня, но сама письма не посылает, что специально отмечено в приписке, сопровождавшей письмо Евдокии: «17 июня в 17 день ис походу идучи к Троице ис села Тонинского послана з жилцом с Сергеем Хоненевым. А от великие государыни иноки Марфы Ивановны грамоты не было». В последующих письмах царя и царицы, прибывших в Троицу 28 июня, М. не упоминается.

Письма М. невелики по объему и лаконичны. Первые письма отличаются эмоциональным, варьирующимся от письма к письму обращением к Филарету. Например: «Всесвятейшему и великому во архиереях, богодуховному в человецах, крайнему святителю, неблазнену во Христе страдальцу»; звучала в них и личная нота: «. . .преж убо по сочетанию законного брака свету очию моею государю и супругу, ныне же по призыванию ни от человек, ни человеки, но богом и отцем и господом Исус Христом государю и отцу Филарету Никитичю божиею милостию патри-

арху Московскому и всеа Русии. . .» (23 августа 1619 г.); «. . . по сочетанию хрестьянского закона прежебывшая супруга, ныне же духовная ваша дщерь. . .» (26 августа 1619 г.). В других письмах М. называет Филарета «кормчим Христова корабля», «столпом терпения», обращается к нему, «человеку естеством и в подвизех ангелу произволением», «вышестественному в подвизех», «учителю православных». По мере продолжения переписки выработывался стереотип как в обращении, так и в форме сообщений о здоровье, прибытии, отъезде, надежде на благополучное возвращение. Последующие письма обычно начинались: «Вышестественному в подвизех и равноангелному изволением, изрядному во архиереях, богодохновенну в человецех, великому государю и владыце моему, святейшему Филарету Никитичу, божиею милостию патриарху Московскому и всеа Русии старица Марфа вашему святительству челом бьет» — и кончались: «Молимся человеколюбию божиему, яко да сподобит нас всеильный Бог царствующаго града Москвы достигнути здраво, и равноангелное ваше лице видети и стопам вашим поклонитися и челом ударити».

Очень редко этот стереотип нарушался чисто житейскими событиями, вроде послышки Филарету калачей: «Да челом бьем тебе, государю, пятнадцать калачиков, и тебе б, государю, милость показати, велети приняти и кушать на здравие. . .» (23 августа 1619 г.), или сообщением о болезни самой М. или царя Михаила: «. . . и по греху государь, моему, припомянулася мне прежняя болезнь портежная (от порчи, — М. К.) и для того в Великом селе позамешкали. . .» (22 октября 1619 г.); «Государь и свет очию моею пресветлый царь и великий князь Михайло Федорович. . . понемог. . . и тое, государь, ночи не опочивал, маленько к свету поутишился и почало обলেখчевать; а помянулся прежней конской убой. . .» (2 июня 1620 г.). Но при известии о болезни Филарета в письмах М. появляется пафос «плача»: «. . . и сын наш и мы, слыша о твоей государеве болезни, плачевне скорбим и сердечною жалостию объята есмь. . .»; «. . . сугубо скорбию уязвляюся и в плачь низвожуся и свою скорбь (свою болезнь, — М. К.) забыв, и яко не имев, о тебе, свете и государе нашем, конечно скорбию сокрушаюся. . .» (29 октября 1619 г.).

Письма инокини М. опубликованы вместе с письмами Михаила и Филарета, написанными в то же время. Вся эта переписка относится к жанру деловой письменности. Но в отличие от писем царя и патриарха в посланиях М. не находят себе места вопросы государственного значения — дипломатия, строительство в Коломне после большого пожара, устройство в Москве; они ограничены выражением почтения и пожеланием здоровья. Написанные в правилах придворного этикета, они не лишены эмоционально-экспрессивного тона и представляют собой документы человеческого общения; иногда они отступают от произведений делового жанра и подчиняются больше эпистолярно-литературным канонам.

Соч.: Письма русских государей и других особ царского семейства / Изд. Археографической комиссии. М., 1848. Т. 1, № 8, 10, 12, 16, 20, 24, 28, 31, 37, 43, 46, 51, 56, 60, 63, 71, 74, 76, 79, 82, 88, 91, 96, 99, 103, 124, 127, 134, 137, 140, 143, 146, 150, 163, 175, 187, 191, 196, 202, 208, 215, 221, 229, 236, 242, 248, 254. Примеч. на с. 309, 311.

Лит.: Хрущов И. Ксения Ивановна Романова // Древняя и Новая Россия. 1876. Т. 3, № 12. С. 317—343; Михаил Федорович // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1896. Т. 38. С. 482; Назаревский А. А. О литературной стороне грамот и других документов Московской Руси начала XVII века. Киев, 1961. С. 44—46; Вейлоер М. Zur Geschichte des russischen Privatbriefes in der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts. Bonn, 1964. S. 8—9, 18—20, 37—39, 50. Anm. 4, 61—67.

М. Д. Каган

Матвеев Артемон Сергеевич (1625—1682) — государственный деятель, дипломат, меценат и библиофил, один из организаторов первой аптеки и придворного театра в Москве, заказчик ряда официозных литературных произведений. В справочной литературе М. ошибочно приписывается

авторство двух, а то и трех книг, на самом деле лишь составлявшихся по его указанию в Посольском приказе, в частности «Титулярник» (см. *Николай Спафарий*), «Избрание на царство Михаила Федоровича» и др. Взгляд на М. как на писателя высказан А. Ф. Малиновским (в 1837 г.), митрополитом Евгением Болховитиновым (Словарь. Т. 2. С. 49—52), П. М. Строевым (Словарь. С. 209) и был так распространен, что И. С. Тургенев в 1878 г. противопоставлял живой язык Аввакума «книжному языку» М. (Луканина А. Мое знакомство с И. С. Тургеневым // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. М., 1983. Т. 2. С. 200). Признание М. автором литературных произведений проникло и в советские справочные издания (Энциклопедический словарь русского bibliографического института Гранат. М., 1933. Т. 128. С. 314—315; Б уд о в н и ц. Словарь. С. 165). В некоторых списках «Титулярника» и «Книги избрания и венчания на царство Михаила Федоровича» (XVIII в.) имеются приписки: «Сочинение А. С. Матвеева».

Современники отмечали ум и деловитость М.: «...бе человек остр в разуме и гражданским делом искусен зело» (Сильвестра Медведева Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве / С предисл. и примеч. А. А. Прозоровского // ЧОИДР. М., 1894. Кн. 4, отдел 2. С. 54).

М. был сыном дьяка, участника нескольких посольств в иностранные государства (В е с е л о в с к и й С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 324). Начало службы М. проходило в стрелецких полках на Украине; он участвовал в войнах с Польшей. М. входил в состав русской делегации на Переяславской раде (1654 г.), а в 1656—1657 гг. — в состав посольства московского правительства в Польшу. Сохранились статейные списки, составленные с участием М. (1653 г. июня 5—июля 6. Из статейного списка А. Матвеева и И. Фомина к гетману Богдану Хмельницкому. . . // Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы. М., 1953. Т. 3, № 166. С. 287—317; 1657 г. Статейный список полковника и стрелецкого головы Артемона Матвеева и дьяка Перфилья Оловянного, посланных к писарю Ивану Выговскому и к войску запорожскому. . . // АЮЗР. СПб., 1863. Т. 4; 1657—1659, № 15. С. 20—26).

М. участвовал в подавлении Московского восстания 1662 г. С 1669 г. он возглавлял Малороссийский приказ, а с 1671 г. руководил также и Посольским приказом. Выдвижению М. способствовал брак царя *Алексея Михайловича* с воспитанницей М. Натальей Кирилловной Нарышкиной, а также его незаурядные организаторские способности и европейская образованность. Сохранившиеся описи имущества и библиотеки М. обнаруживают в нем «западника», собиравшего редкие издания и украшавшего свои покои светской живописью («персоны», «12 сивилл. . . письма старого»), чертежами, невиданными оптическими приборами («труба зрительная большая»), моделями кораблей, клетками с попугаями — наряду с обычными на Руси сундучками, ларцами, шкатулками, поставками и шкафами, содержавшими рукописи и книги. Из дворянских людей М. была создана театральная труппа, которая играла при царском дворе, причем первая пьеса *«Артаксерксово действие»* была наделена аллюзиями, прозрачно намекавшими на особую роль М. при царе. И. М. Кудрявцеву удалось установить и раскрыть инициативную роль М. в так называемой «книгоиздательской» деятельности Посольского приказа (1671—1676 гг.). В те же годы М. сблизился с Николаем Спафарием, которому он поручал выполнять переводы и компиляции, а также вести обучение своего малолетнего сына Андрея («по-гречески и по-латыни литерам малой части»). О своем воспитаннике — будущем дипломате — Спафарий вспоминал в письме к М., написанном из Енисейска, по пути в Китай, в июле 1675 г. (Письмо Николая Спафария к боярину А. С. Матвееву // Русский архив. 1881. № 1. С. 52—57). После смерти царя в 1676 г. М. с семьей был выслан

из Москвы на Север (его обвиняли, в частности, в «чернокнижии»); он провел 7 лет в Пустозерске, куда привез часть книг и рукописей из своего собрания (некоторые вошли в современное Вологодское собрание ГБЛ). В этот период М. обращался с челобитными и письмами к царю *Феодору Алексеевичу* и др. лицам; тексты их включены в «Историю о невинном заточении. . . А. С. Матвеева». После избрания на царство Петра I М. был возвращен в Москву, но через несколько дней он стал одной из первых жертв восстания стрельцов 1682 г. — был убит в Кремле. Сохранился портрет М. XVII в. (Очерки по истории СССР: Период феодализма. XVII век. М., 1955. С. 379).

Лит.: Объявление о возвращении из заточения ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева и о кончине его // История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева / Изд. Н. Новиковым. 2-е изд. М., 1785. С. 367—427; М а л и н о в с к и й А. Ф. Боярин, дворецкий и наместник Серпуховский Артемон Сергеевич Матвеев // Труды и летописи ОИДР. М., 1837. Ч. 7. С. 57—67; Боярин Матвеев // Сахаров И. П. Записки русских людей. СПб., 1841; Б е л о к у р о в С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898. С. 69—74; Опись имущества боярина Артемона Сергеевича Матвеева / Сообщ. Г. Писаревский // ЧОИДР. 1900. Кн. 2. отд. V: Смесь. С. 7—21; Щ е п о т ь е в Л. Ближний боярин А. С. Матвеев как культурный политический деятель XVII в. СПб., 1906; С т а р о с т и н а Т. В. Об опале А. С. Матвеева в связи с сыскным делом 1676—1677 гг. о хранении заговорных писем // Учен. зап. Карело-Финского ун-та. Петрозаводск, 1948. Т. 2, вып. 1. С. 44—89; К у д р я в ц е в И. М. 1) Артаксерксово действо: Первая пьеса русского театра XVII в. М.; Л., 1957. С. 6—17; 2) «Издательская» деятельность Посольского приказа: (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга: Исследования и материалы. М., 1963. Сб. 8. С. 179—244; Л у п о в С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 102—107; Д е м и н А. С. Русская литература второй половины XVII—начала XVIII века. М., 1977. С. 52, 102.

О. А. Белоброва

Матвей Андреев (конец XVII—первая половина XVIII в.) — старообрядец-попoveц, автор полемических «бесед» и посланий против федосеевцев. Сын священника Андрея, он был крещен попом дониконовского поставления. 21 ноября 1703 г. *Дмитрий Ростовский* рукоположил М. А. в священники церкви Николая Чудотворца в селе Рамены Пошехонского уезда Ярославской губернии (ставленная грамота полностью приведена во 2-й «беседе»). Пробыв три года при церкви, М. А., «ревнуя по благочестию и по вере истинней», оставил дом и ушел в старообрядческие скиты на Керженце. Здесь поповский наставник инок-схимник Онуфрий, священник Досифей и схимник Арсений приняли его в 1708 г. в старообрядчество. В 1715 г. эти же старцы уже посылали М. А. на проповедь против беспоповцев-федосеевцев. В 10-е гг. XVIII в. старообрядцы-поповцы, жившие в новгородских и псковских пределах, были сильно обеспокоены успехом распространения недавно возникшего учения федосеевцев, отвергавших священство в скором ожидании второго пришествия. Не имея собственных сил для борьбы с федосеевскими проповедниками, они обратились за помощью на Керженец, в верховный центр поповщинского старообрядчества. В 1710 г. с Керженца было отправлено соборное послание «во Псков, и в уезды, и на Дерев, и за границу» в поддержку поповщинского старообрядчества. Но этого оказалось недостаточно, и в 1715 г. керженские старцы полемизировали с федосеевцами уже с помощью собственного миссионера — М. А.

Полемическая деятельность М. А. началась с того, что он послал 4 марта 1715 г. вопросы о вере федосеевцу *Игнатию Трофимову* в деревню Лыбовку, федосеевский центр в Псковском уезде, а 11 марта того же года были посланы вопросы к федосеевцам, проживавшим за границей. Не получив ответов на свои вопросы, М. А. сам отправился в Лыбовку и повел там спор лично. Первая «беседа» состоялась 17 января 1722 г., от федосеевцев на ней выступал Игнатий Трофимов. Вторая «беседа» происходила

13 марта 1722 г., ее вел *Евстрат Федосеев*. Третья «беседа» состоялась спустя 14 лет, 19 августа 1736 г. В первой «беседе» М. А. учил «о богоустановленном иерейском чине, яко есть вечен и непрелагаем». Вторая была главным образом посвящена обличению «обительных большаков и наставников самочинных». Запись третьей начинается с обращения к федосеевцам в 10 «главах», затем идут исповедание веры М. А. и копия с семи вопросов, поданных М. А. в 1726 г. Игнатию Трофимову, и, наконец, сто двадцать новых вопросов о вере. Кроме этих «бесед», написанных М. А., сохранились два его антифедосеевских сочинения: послание от 17 февраля 1733 г. Игнатию Трофимову и «Обличение о лжеучителях и прелестниках». Последнее ценно тем, что в нем обильно цитируются с конкретными ссылками сочинения протопопа *Аввакума* и дьякона *Феодора*. В первой четверти XVIII в. на Керженце особенно хорошо знали сочинения Аввакума и Феодора, это известно из истории старообрядческих споров по поводу догматических писем Аввакума. Сочинения М. А. дошли в рукописи XVIII в., хранящейся в БАН, собр. Дружинина, № 75 (стар. 100).

Соч.: Дружинин В. Г. «Священноиерей» Матвей Андреев, его беседы с беспоповцами и послания к ним. СПб., 1908 (извлечение из журнала «Христианское Чтение»: 1908. Май. С. 730—762; Июнь—июль. С. 969—1043; Август—сентябрь. С. 1195—1237; Октябрь. С. 1342—1364; Ноябрь. С. 1542—1557).

Лит.: Смирнов П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909. С. 131—132; Дружинин. Писания старообрядцев. С. 49—50.

Н. В. Понырко

Матюшкин Афанасий Иванович (середина XVII в.) — думный дворянин, стольник при дворе царя *Алексея Михайловича*, автор писем. В течение всей своей жизни М., ровесник и сверстник царя в юные годы, пользовался его доверием и выполнял его поручения — например, ездил с уговорами и с «милостынею» к патриарху *Никону*, удалившемуся из Москвы в Воскресенский монастырь. Уличенный в 1660-х гг. во взяточничестве, М. только на время был отстранен от службы. Сохранились письма царя Алексея Михайловича к М., написанные достаточно доверительно; так, одно письмо-акrostих (переиздано в кн.: Пanchenko А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 68—69) показывает, как скучал молодой царь без своего любимца; другое (датировано в кн.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. VI (т. 11—12). С. 615) описывает царскую забаву на Крещение, когда опоздавшие на смотр стольники подвергались купанию «ежеутрь в пруде»; наиболее известны однотипные письма царя, адресованные в 1650 г. М. и *В. Я. Голохвастову* (Сборник Муханова. М., 1836. № 149. С. 215; ААЭ. Т. 4. С. 140), когда М. вместе с *В. Я. Голохвастовым* участвовал в царской соколиной охоте в качестве ловчего. В ответ на это последовали пять писем М. и четыре *В. Я. Голохвастова*. Целью этих писем было подробное описание состояния здоровья и поведения охотничьих птиц — кречетов, соколов, кобчиков, которых царь знал поименно и о которых строго спрашивал, предупреждая (в случае, если его любимцы умрут): «. . и вы меня не встречайте; а сокольников всех велю кнутом перепороть. . .». Письма М. написаны в форме челобитных со ссылкой на царскую «грамоту» о «государевых пьтицах». В одном из писем сообщается, что «на Москве. . . был дождь. . .», что у кречета по кличке Малец Сибирской болезнь была вызвана ушибом неплотно закрытой «окончины» и что за это пострадал сокольник («я ево бил батогамы, чтоб вставляли окончину крепко»). В другом описывается, как иные «пътицы занемогли»; в третьем говорится о смерти пострадавшего соколов, и об их обучении. Представляют интерес клички птиц: Боярин, Белый, Булат, Ойдар, Мурат, Стреляй, Алай да Нечай, Нагай, Колмагор, Ковач, Сальян, Друг, Юдрун и др. Письма М.

важны в историко-культурном отношении; они передают черты придворной забавы, сохраняют специфическую терминологию, сходную с близким по времени литературным произведением — *Урядником сокольничьего пути*.

Соч.: Пять писем стольника Аф. Ив. Матюшкина к царю Алексею Михайловичу // Сообщ. И. Я. Забелин // ЧОИДР. М., 1848, год третий. № 5, отд. IV: Смесь. С. 141—143.

Лит.: Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб, 1840. С. 79 и след.; Салмина М. А. Голохвастов В. Я.: Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 64—65.

О. А. Белоброва

Микулин Григорий Иванович (ум. ок. 1608) — посланник Московского правительства в Англии в 1600—1601 гг., дворянин, составитель (совместно с подьячим Иваном Зиновьевым) статейного списка; после смерти *Бориса Годунова* стрелецкий голова, активный приверженец Лжедмитрия I (упоминается в *Летописце Новом*). В статейном списке наряду с записями о деловых переговорах и встречах имеется ряд сведений о Лондоне и его достопримечательностях: упоминается мост через Темзу с каменными домами и лавками, каменная стена, Вышгород; описывается рыцарский турнир («королевина потеха») и другие приметы «обрядовой» стороны жизни иноземцев с их выездами и выходами, приемами, титулами, приглашениями на королевскую охоту, органичной музыкой и т. п. М. отметил происшедшее при нем восстание графа Эссекса (13 февраля 1601 г.) и сообщил о казни графа (24 февраля). Позднее, в 1604 г., английский посол Томас Смит, по известиям современников, останавливался на пути из Архангельска в Москву в доме М. в Ярославле, поблизости от которого жили английские эмигранты. Сохранился живописный портрет М. работы неизвестного западноевропейского (английского?) художника (хранится в ГИМ), 1601 г.

Соч.: Чарыков Н. В. Посольство в Англии дворянина Григория Микулина // Древняя и Новая Россия. 1876. № 8. С. 361—375; Отправление в Англию послом Григория Ивановича Микулина в мае 1600 г. // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1883. С. 278—363 (Сборник РИО; Т. 38); Путешествия русских послов XVI—XVII вв.: Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 156—205, 330—331, 352—355, 402—417.

Лит.: Гамель И. Х. Англичане в России в XVI—XVII вв. СПб., 1865—1869; Дракоhurst Е. И. Иконографические источники, освещающие польскую интервенцию XVII века // Сборник по истории СССР XVI—XVIII вв. М., 1941. С. 66—71 (Труды ГИМ; Вып. 14); Алексеев М. П. 1) Англия и англичане в памятниках московской письменности XVI—XVII вв. // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Сер. ист. наук. Л., 1947. Вып. 15. С. 44—49; 2) Россия и русские в творчестве Шекспира // ВИ. 1965. № 7. С. 83—86.

О. А. Белоброва

Милютин Иоанн Иванов (середина XVII в.) — переписчик и составитель Четых Миней. Родом из г. Балахны. В 1631 г. поступил в Троице-Сергиев монастырь, дав вкладом за себя соляную варницу. (К 1642 г. М. вышел из монастыря, как предполагает иеромонах Арсений, на основании того, что в 1642 г. эта варница за монастырем уже не числилась). В 1646 г. М., как следует из его послесловия к Четым Минеям, был священником Христорождественской церкви в Служней слободе посада Троице-Сергиевой лавры.

Работу над Четыми Минеями он начал в 1646 г., а закончил в 1654 г. Вместе с ним трудились над перепиской трое его сыновей «отроческого возраста», одного из которых звали Дмитрием (декабрьская книга, л. 1107; «многогрешный и непотребный Митка, Иванов сын, попов»). В 1627—1633 гг., как раз в годы пребывания М. в монастыре, в Троице-Сергиевой

лавре работал над составлением своих Четых Миней и Прологов иеромонах *Герман Тулупов*. Книгохранителем в это время в монастыре был земляк М., бывший протопоп из г. Балахны, иеромонах *Иоасаф Кирьяков*. Статьи Милютинских Четых Миней переписаны с рукописей Троице-Сергиева монастыря. Их источниками были Макарьевские *Великие Минеи Четии*, Четьи Минеи Германа Тулупова, печатный Пролог 1643 г., Степенная книга и другие памятники. Сопоставление Милютинских Четых Миней с ВМЧ проделано А. В. Горским и К. И. Невоструевым (ГБЛ, ф. 193, ед. хр. 8. л. 3). Д. Красин, сравнив ноябрьскую—январскую часть Милютинских и Макарьевских Миней, дал перечень статей, не вошедших в Макарьевские Минеи.

М. был не только переписчиком, но составителем и редактором. Одной из особенностей его редакторской манеры было то, что при работе с житиями во многих из них он выпускал вступления и предисловия, сокращал похвальные слова. Как редактора и источниковеда характеризуют М. приписки, сделанные им к отдельным статьям. Так, переписывая статью с печатного Пролога 1643 г., он на полях пометил: «с печати». К двум разным редакциям Мучения Власия, епископа Севастийского, приписал: 1) «Сие мучение списано из старья Минеи Четьи»; 2) «Сие мучение списано из Миней же Четых» (февральская книга, л. 250, 262—273). О мучении Климента Анкирского заметил: «Сие мучение списано с Минеи же Четьи, только в ней было смешано. На полях были пометы и в строках кресты. И по тем пометам разбирал. Ино не верно, так ли или нет. Ино надобе спустить, с иные книги исправить» (январская книга, л. 1155). Относительно *Жития Василия Нового* М. написал следующее: «Ведомо же буди и о сем, яко во многих слышится распря о преподобном Василии Новом и о ученику его Григорию и Феодору: овии глаголют сице, овии же инако. У о сем да престанет распря и ведомо будет истина. Истина же сице; сия повесть о Василии Новом и ученику его Григории и Феодоре обретох книгу в дому живоначальной Троицы Сергиева монастыря в книгохранилне. А та книга именуется Серапионовская, в десть, писана полууоставьем. А назади той книги подписано сице: «В лето 6939 индикта 9, месяца июля во 2-й день конца достиже книга св. Исака Сирина в обители пречистыя Богоматере честнаго ея Рождества, на Лисичьей горке, в пределах великаго Нова Града, иеромонах Серапион Моза». В той же книге Авва Дороеф да сия книга Василия Новый, полное житие и с чудеса, да слово о 6-м псалме, да слово Максима Исповедника, да слово Иоанна Дамаскина, да мучение св. великомученика Артемия, да слово Илариона Великаго. Того же Василия и в Прологе печатном писано вкратце декабря 30 день. И се от многих слышится о Василии Новом: иные глаголют честь, а иные — не честь. И ныне аз поп Иванище обретох в сих книгах истинну». И далее: «. . . а те Прологи (в которых помещено краткое Житие Василия Нового, — *Н. П.*) писаны по повелению того же монастыря архимандрита Дионисия, мужа праведна и рачителя божественных писаний. . . А те Прологи писал по его повелению инок Герман Тулупов, такожде муж добродетелен. А те Прологи писаны со многих Прологов, выбираны повести и в те едины совокуплены» (мартовская книга, л. 733, 1481). А. П. Голубцов предполагал в М. автора Повести о Феодоровской иконе Божьей матери, помещенной в Четых Минеях. В обоснование своего мнения он приводил следующий пассаж из предисловия Повести, находя в нем сходство с припиской М. к Житию Василия Нового: «. . . и овии глаголаху тако, инии инако, но мною, яко сему быти истинне, о еже хощу повести сея коснутися и написати».

В конце каждой месячной книги (кроме ноября — № 799 и февраля — № 802, где оно утеряно) помещено послесловие М.: «Божиею благодатию и пречистыя Богородица помощию написах жития святых преподобных отец. Писах же с разумных списков, тцсяя обрести правая и обретох в списках оных много неправлена и неисправлена и елико возможна моему

худому разуму, сия исправлях, а яже невозможна, сия оставлях, да имущим разум болше нас, тии исправят неиспаравленая и недостаточная наполнят. Аз же что написах и аще кая обрящется в тех несогласна разуму истинны, и аз о сих прощения прошу. И хто имать сия преписовати или прочитати, да не преписуют тако, но прочитает, аще где неисправлено, но истинное да напишет и глаголет, еже есть угодно Богу и полезно души, понеже и аз грешный тако хошу. И не токмо еже зде написах, но и инде что писах и глаголях и аще что обрящется в тех негодно Богу и неполезно души, ради моего неразумия и невежества, и о сих молю, да не творит кто тако, но лучшее да творит, еже есть благоугодно Богу и полезно душе, и аз о сем радуюся. И тако, благодатью Божиею прилагаю сия, отъемля вину ищущим на вред души: прочитающих же сия и слышащих чтомых молю, да Господа ради помолются о мне, да и аз помилован буду от Бога, понеже не мало потрудихся в сих, якоже мню, заповеди ради любви Божия и ближнего, да сих дивных отец житьем внимающе, ревнители будем деланию их, да с ними и живот вечный наследим. Яз бо аще и грешен и нерадив есмь и ничтоже благо отворих, но желаю много искренним спасения. Се же есть истинная любовь к ближним, еже воздвигнути им совесть к любви Божии и творити заповеди его по истинных Божественных писаний и по житию святых отец и тако спастися.

Приими книгу и прочитай часто знаемое, а неведомого иди к мудрейшим себе вопрошати. Солнечную светлость мрачный облак закрывает книжные бо премудрости множество разума. Подобаает тебе, книгохранителю, почасту книг дозировать и в них разумеваемая чести и досматривати. Да аще коего не ведаешь, а ты вопросы у вышшего себе разумом и учением. Та бо мудрость не по старости дается, аще бо ты возрастом стар, но разумом неисполнен. Аще бо иной человек и млад, но учения наполнен. Да аще коему человеку есть вера велия чесо искати от кого, той убо желание свое исполнит и искомое обрящет, писано бо есть во святом евангелие — просящему дается, а толкущему отверзается, а сотворшему милость — и суд ему милостив.

Горе тому человеку, иже от Бога данный ему талант хочет скрыти зависти ради, то убо не Божие, но диаволе наречется, аще бо последи и даст, но первая чести не улучит. Аще хочещи обрести от Бога милость, а от людей честь и похвалу, то не для поминков богатого и приносков поучай, но без приносков убогого изучи и свой разум к его разуму приложи. Во святом евангелии речено есть: «Туне приясте, туне же и дадите». А Бог тебе противу того невидимо отмерит мерою небесною. А всякий человек не с мудростью, ни с богатством родится, а наг от матери изшед, наг бо и смерть примет. Тогда убо мудрость плотская вся погибнет, но мудрость духовная в нем почивает, да аще что в животе сотворил добро и человеколюбно, то имети сподоблен быти благим небесным. А скупый и завистливый и немилосердый человек спокоется во аде, но тамо никто не поможет, якоже оному богатому. И глаголют тому человеку: о злой человек, не могл еси себе при животе своем пособити, а ныне кого помощника себе имаша. Кто ли тя избавит от толикыя беды, не чаял еси себе, беззакониче, и смерти. Соломон царь не мудр ли был, да и того смерть восхитила. Или Александр Македонский такоже не мудр ли и не храбр ли был? И Самсон сильный и иные прочии? А от начала миру много и богатых и славных было и сильных и храбрых, да и тех смерть приняла. А всякому делу благу начало любовь нелицемерная и союз, а Господь наш Иисус Христос человека с любовью приемлет и небесному царствию наследника сотворяет. Ему же слава во веки, аминь.

Хотяй кто уведети суцая в книзе сей, и той да не прежде начала и главы книги в середине ея поищет чесого превраща листы и числа, но прим книгу и разгнув, первее да зрит в главах ея и в числах и узрит ту тако на дщице добросветле потонку вся конца объявлена, яве обретаемо яже имать и содержит в себе книга сия. Подобаает убо всякому человеку,

его же не весть, о том вопрошати, а еже что весть, тем не искушати и учити беззавистно и не хранити, но проповедати истинна. Книжная бо премудрость подобна солнечной светлости. Но солнечную светлость мрачный блак закрывает, а книжные премудростини вся тварь скрыти не может. Писано бо есть: «не уведяша, ниже разумеша, во тме ходят». Того ради учися, учение свет, а неучение тма.

Небеси убо высота неиспытаема, земли же широта и долгота неосяжаема, морю же глубина неизмерима, святых же чудеса неисчетна и недоумеваема. Аз же грешный и недостойный священнического чина Иоанн, пореклом Милютин, егда новобывшу ми в дому живоначальныя Троица и великих чудотворцев Сергия и Никона, изволившу Богу и служащу ми в церкви рожества Господа Бога и спаса нашего Исуса Христа Служни слободы, Богом начинающу, а человеком совершающу, повелевшу ми писати двенадесять книг миней-четьих тремя чадом моим отроческого возраста. С ними же иногда и самому моему худолубству, Богом помогающу, отчасти потружатися поспешения ради скорым писанием и первоучным их. Писах же с монастырских миней-четьих. Почах же писати в лета 7154 года генваря в 18 день и кончах 162».

Милютинские Миней Четы хранятся: ГИМ, Синодальное собр., № 797—808. Краткие их описания даны: С а в в а, архимандрит. Указатель для обозрения Московской Патриаршей (ныне Синодальной) ризницы и библиотеки. М., 1858. С. 211; П о к р о в с к и й А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. М., 1916. С. 245; П р о т а с ь е в а Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания. М., 1970. Ч. 1. С. 208—211.

Соч.: К л ю ч е в с к и й В. О. Сказание о чудесах Владимирской иконы Божией матери. СПб., 1878 (изд. ОЛДП; Т. 30) (по списку милютинских Четых Миней).

Лит.: И о с и ф, архимандрит. Оглавление Четых Миней священника Иоанна Милютина // ЧОЛДП. М., 1867; К р а с и н Д. Четии Миней священника Иоанна Милютина // Изв. Моск. ун-та. 1870. № 8. С. 762—777; 1871. № 1. С. 1—23; К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития. С. 297—298; А р с е н и й, иеромонах. Христо-рождественская церковь в Сергиевском посаде // ЧОИДР. 1891. Кн. 3, отд. IV. С. 30—32; С е р г и й. Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901. Т. 1. С. 265—266; А б р а м о в и ч Д. И. Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902. С. 86 (указание на список из милютинских Четых Миней, относящийся к Кассиановской 1-й редакции); С е р б р я н с к и й Н. Житие преподобного Евфросина Псковского. СПб., 1909. С. III—IV (о житии в составе милютинских Четых Миней) (ПДПИ; Т. 173); Г о л у б ц о в А. П. Автор древней повести о Федоровской иконе Божией матери // БВ 1911, октябрь. С. 364—371; Щ е г л о в а С. Житие царевича Дмитрия в обработке св. Дмитрия Ростовского // Учен. зап. Самарского ун-та. 1919. Вып. 2, № 1. С. 85—97 (о заимствованиях из милютинских Четых Миней); К у ч к и н В. А. Первые издания русских Прологов // Рукописная и печатная книга. М., 1975. С. 144; Ш у л ь г и н а Э. В. Скоростное письмо XVII в. по Милютинским Миней Четьим // Вопросы славяно-русской палеографии, кодикологии, эпиграфики. М., 1987. С. 10—32.

Н. В. Поньрко

Митрофан (первая половина—середина XVII в.) — поэт приказной школы. Никакими биографическими сведениями о М. мы не располагаем. Самое имя этого стихотворца известно из акростиха — единственного его разысканного произведения. Это сохранившаяся в одном списке эпистолия, состоящая из восьми «относительно силлабических» стихов с парной рифмой, сплошь грамматической. Первые буквы стихов и образуют имя автора (МИТРОФАН).

Причислить М. к приказной школе позволяет не только метрика и рифмовая техника, характерная как для него, так и для продукции этой школы вообще, но и поэтическая фразеология эпистолии М. Он, по всей видимости, знал «Алфавит краестрочный» и пользовался этим пособием при сочинении эпистолии, подбирая на отдельные буквы «образцовые» фразы и затем связывая эти фразы концевыми созвучиями. К приказной школе отсылают и такие использованные М. стереотипы, как «Море мыс-

ленное всегда волнуется» или «Огнены столп пути к себе не являет, | Фараону подобно яко в мори потопляет». Следует также учесть, что жанр коротких посланий, в которых число стихов равно числу букв в имени автора, а имя сообщается в акrostихе, был в большом ходу среди приказных поэтов (см., например: *Мардарий, Мартирий, Нафанаил*).

Однако в ряду произведений этого жанра текст М. стоит особняком. Если другие приказные авторы сочиняли послания к друзьям, ученикам, покровителям, недругам, то М. написал любовную эпистолию. Это самое старшее из известных до сей поры любовных стихотворений, и поэтому короткий текст М. может считаться вехой в истории русской поэзии. Эмоции эпистолии М. типичны для всякого влюбленного: это скорбь в разлуке и просьба о свидании. Но М. пришлось выразить эти эмоции в рифмованных строках, к тому же акrostишных. Он не мог опереться на традицию, не мог подражать какому-либо из русских поэтов, своих предшественников или современников. На долю поэта М. выпала нелегкая роль первооткрывателя любовной темы, основателя новой традиции. Это отразилось в том, что стиль эпистолии, в особенности библейские реминисценции, находится в известном противоречии с ее эмоциями. Но два последних стиха уже свободны от этого «противоречия»:

Аще не приидеши ко мне в приятности,
не могу стерпети великия печалности.

Здесь М. как бы прокладывает путь той любовной лирике, которая расцвела в Петровскую эпоху.

Соч.: Лихачев Д. С. Любовное письмо XVII века // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Каф. рус. лит. Л., 1948. Т. 67. С. 38 (по ркп. ГПБ, собр. Титова, № 1121, л. 303).

Лит.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 195.

А. М. Панченко

Митрофан (середина XVII в.) — архимандрит Кирилло-Белозерского монастыря, автор Жития Иродиона Илозерского. Скучные биографические сведения о М. сохранились главным образом в его Предисловии к Житию. М. был архимандритом Кирилло-Белозерского монастыря с 1652 по 1660 г. 10 мая 1653 г. он был направлен патриархом *Никоном* для проведения церковного следствия (как он пишет, «большаго свидетельства статным свидетельством») о жизни и посмертных чудесах от мощей местночтимого вологодского святого Иродиона Илозерского. «Свидетельствование» он вместе со священником церкви Рождества пресвятой Богородицы, некогда созданной самим Иродионом, Василием Герасимовым, но о результатах писал один. Краткая запись по материалам обследования, по существу представляющая краткий текст Жития Иродиона Илозерского, была составлена М., очевидно, в том же 1653 г. Характеризуя содержание и значение своего труда в Предисловии, М. пишет, что он работал, «. . . испытуя о пришествии, и о житии, и о пощении» Иродиона, «и по преставлении его о чудесах от гроба святого его, и в кои времена, кто такую скорбию одержим бываху, поче же свидетельствах со священником Василием Герасимовым. . . о чудесах и исцелениях, бываемых от святого гроба его», и все это «. . . им, архимандритом Митрофаном, zde вкратце изобразися».

Иродион Илозерский — ученик Корнилия Комельского, был основателем Илозерской-Иродионовой-Озадской-Родионовской мужской пустыни (впоследствии известной как Родионовский погост, Родионовское), располагавшейся в Междуозерье Новгородской губернии Белозерского уезда, в 42 верстах к югу от Белозерска, на острове Илозера, в 2 верстах южнее Озадского озера. Иродион, скончавшийся 28 сентября 1541 г., был похоронен в основанном им монастыре. К середине XVII в. почитание

мощей местного вологодского святого стало настолько популярным, что привлекло внимание официальных церковных кругов и завершилось созданием краткого текста Жития Иродиона Илоезерского и службы ему. Память его, ежегодно отмечавшаяся в течение более двухсот лет в день его смерти, была упразднена в 1764 г., по-видимому, после рассмотрения краткого Жития Иродиона Илоезерского, составленного М. на Святейшем Правительственном Синоде, куда, судя по приписке XVIII в., копия рукописи была отправлена 23 марта 1745 г. священником Михаилом Косминым.

События Жития Иродиона Илоезерского охватывают промежуток времени, начиная с 1537 г. (года смерти Корнилия Комельского) и кончая чудесами, датируемыми первой половиной XVII в. (до 1653 г.). Рассказ о жизни подвижника начинается с ухода Иродиона после смерти Корнилия из Комельского монастыря сначала на Белоозеро, «в весь, нарицаемую Илоские, на Уго озеро», а затем «на остров, иже есть на Иле озере», который он купил «у некоего боголюбивого мужа Анисима». Там он поставил церковь Рождества Богородицы, вокруг которой вскоре возник погост (Рождественский) и возле которой Иродион был похоронен.

Житие Иродиона Илоезерского содержит 21 посмертное чудо об исцелениях от разных болезней и от «хмельного питья», о спасении утопающих, заблудившихся в лесу, о каре, постигшей иноземных захватчиков («иновернии языцы») за ограбление храмов. Действующими лицами в чудесах являются главным образом местные вологодские жители, в числе которых воевода Белозерска Иоанн Артемьев, игумен Новоезерского монастыря Филарет, инок Вассиан, ехавший в лодке по Озацкому озеру, иерей Евфимий, провалившийся под лед на Иле-озере, некий заблудившийся в лесу Антоний, «рабыня. . . царедворца» Матрона, а также Григорий Золотилов с сестрой родом из детей боярских, приехавшие, по-видимому, издалека.

Текст Жития Иродиона Илоезерского изучению не подвергался и научной публикации не имеет. В конце XIX в. при разборке библиотеки и архива Междоозерской церкви Рождества Богородицы священник этой церкви Павел Смирнов обнаружил список Жития Иродиона, составленный М. (оригинал или копию?) и опубликовал его под заглавием «Сказание и повесть. . .». Однако сам текст Жития (после Предисловия М.) имеет другое название: «Житие, и жизнь, и подвизи преподобного о. н. Иродиона, новаго Илоезерскаго чудотворца, еже есть в Междозерье. Благослови, отче, прочести» и начинается словами: «Не во многа времена и в наша лета содеяся, божием изволением, преподобному и богоносному отцу нашему Корнилию игумену к Господу отшедшу».

В. О. Ключевскому и Н. П. Барсукову Житие было известно в трех списках: это список Археографической комиссии (XVIII в.), список, содержащийся в Поморском сборнике из собрания В. О. Ключевского, и список 1746 г. (ГПБ, собр. Погодина, № 726). В списке Археографической комиссии текст Жития завершается службой Иродиону Илоезерскому (Тропарем и Кондаком), которая отсутствует в списке, опубликованном П. Смирновым.

Соч.: Смирнов П. Сказание и повесть о чудесах преподобнаго и богоноснаго о. н. Иродиона чудотворца Божиею благодатию просиявшаго в Белозерских пределах, в веси Междозерье, иже на Иле озере // Новгородские епархиальные ведомости. 1899. № 14—15 (август). С. 882—893.

Лит.: Ключевский И. Древнерусские жития. С. 337; Барсуков В. 1) Источники агиографии. Стб. 225—226; 2) Рукописи Археографической комиссии. СПб., 1882. № 6. С. 2; Б уд о в н и ц. Словарь. С. 100, 168.

Н. Ф. Дроблежкова

Михаил Вышати́н (ум. 1732) — старообрядец, бывший вязниковский подьячий, автор догматического трактата «Бисер драгоценный» (1729 г.), толкующего со старообрядческих позиций о кресте, сугубой аллилуйи,

перстосложении для крестного знамения и т. д. Долгое время жил в одном из скитов Выговского общежительства. В самом начале 30-х гг. в разгар старообрядческих поисков священства по инициативе *Андрея Денисова* предпринял путешествие в Палестину в поисках старообрядческого епископа. Жил некоторое время в Польше и Молдавии, умер в Палестине.

Сочинение М. носит следы зависимости от «Книги о вере» (М., 1648). Как и «Книга о вере», оно посвящено обрядово-догматическим вопросам веры и борьбы с еретиками. М. ориентировался в целом на позицию «Книги о вере», а также на ее структуру и тексты. «Бисер драгоценный» содержит обширное стихотворное (неравносложные силлабические вирши) обращение к читателю, имеющее отдельные заимствования из стихотворного предисловия «Книги о вере». Кроме того, в «Бисере драгоценном» имеется еще одно стихотворное предисловие и одно стихотворное послесловие.

Соч.: Поньрко Н. В. Выговское силлабическое стихотворство // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 273—280, 287—290.

Лит.: Смирнов П. С. 1) Из истории раскола первой половины XVIII в. СПб., 1908. С. 13; 2) Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909. С. 106; Дружинин. Писания старообрядцев. С. 79.

Н. В. Поньрко

Михаил Феодорович (1596—1645) — первый царь из рода Романовых, автор писем. Избран на царство в 1613 г. В 1619 г. из польского плена в Москву возвратился отец М. Ф. митрополит *Филарет* (в миру Федор Никитич Романов, бывший в немилости и постриженный при царе *Борисе Годунове*) и был посвящен здесь во всероссийские патриархи. С этого времени до смерти патриарха Филарета в 1633 г. М. Ф. правил государством совместно с отцом, подчиняясь во всех вопросах влиянию патриарха («опытный и твердый Филарет имел очень большую долю в правлении при малоопытном, молодом и мягком Михаиле»). — С л о в ь е в. История России. . . Кн. 5. С. 214).

До нас дошла довольно обширная переписка М. Ф. с патриархом Филаретом и несколько писем царя к его матери инокине *Марфе*. Это письма, которыми М. Ф. обменивался со своими родителями во время путешествий на богомолье в монастыри (в Макариевский на Унжу — в 1619 г., в Николо-Угрешский — в 1620 г., в Троице-Сергиеву лавру — в 1620—1624 и 1627—1629 гг., а также во время путешествий патриарха в Саввино-Сторожевский и Пафнутьево-Боровский монастыри и во Владимир в 1630 г.). Стиль писем М. Ф. подчинен торжественному чину, информативность их очень мала: большая часть писем не содержит в себе ничего, кроме приветственных выражений и извещений о здоровье и приезде в различные «станы» на пути к месту богомолья. Очевидно, такого сорта переписка подготавливалась дьяками по официальной форме. Но примечательна ее частота: буквально с каждого «стана» на недолгом пути к Троице-Сергиевой лавре и обратно царь слал письма патриарху с уведомлением о здоровье и благополучии (и получал ответные). На этот факт следует обратить внимание. Здесь мы имеем дело с перепиской как элементом придворного этикета, это начало того пышного «урядства» и церемониальности, которые особенно разовьются при дворе сына М. Ф. *Алексея Михайловича* (см.: Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974. С. 94—194). Наряду с церемониальными посланиями есть в переписке М. Ф. сугубо деловые письма. Они касаются политических сношений с Крымом и Польшей, некоторых внутренних дел и т. п. Стиль этих посланий (отписок) позволяет отнести их к памятникам деловой письменности.

Соч.: Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные Археологической комиссиею. М., 1848. Т. 1, № 7, 9, 11, 15, 17, 19, 23, 26, 27, 30,

36, 39, 40, 42, 45, 47, 50, 53, 54, 58, 59 (1619 г.); № 62, 64, 68, 70, 73, 75, 78, 81, 86, 87, 90, 94, 95, 98, 102 (1620 г.); № 104, 105, 107, 108, 110, 111, 115, 116—118, 119, 123—126, 129 (1621 г.); № 133, 135, 136, 139, 142 (1622 г.); № 145, 149, 151, 155, 156, 159, 160, 165, 167, 168, 170, 172, 173 (1623 г.); № 174, 177, 178, 180 (1624 г.); № 182, 185, 189, 194, 199, 200, 205, 206, 210 (1627 г.); № 213, 219, 226, 227, 234, 240, 246, 252 (1628 г.); № 255, 261, 265, 267, 271, 276, 279, 283, 285, 287 (1629 г.); № 292, 296, 302, 310, 312, 314, 317, 319, 324, 330, 332, 349, 350, 351 (1651 г.).

Лит.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. 5 (т. 9—10). С. 1—370; Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1908. Ч. 3. С. 74—139; Васенко П. Г. Бояре Романовы и воцарение Михаила Феодоровича. СПб., 1913; Платонов С. Ф. Вопрос об избрании М. Ф. Романова в русской исторической литературе. СПб., 1913; Забелин И. Домашний быт русских царей. СПб., 1862. Ч. 1.

Н. В. Понярко

Михаил Юрьев (нач. XVII в.) — один из двух переводчиков (вторым был *Иван Фомин Алманзонов*) «Воинской немецкой книги», или устава (F r o n s p r e g e r L. Kriegsbuch. Frankfurt., 1596), подготовивших ее перевод по указанию царя Василия Шуйского. Перевод сохранился в двух частях (ч. I — ркп. Казанской науч. б-ки им. Н. И. Лобачевского, Отдел рукописной и редкой книги, № 4550; ч. II — ркп. ГПБ, Ф. IX. 19); он не опубликован и в целом не исследован. А. И. Соболевский сопоставлял текст II части с «Уставом ратных, пушечных и др. дел. . .» в близком по времени переводе *Онисима Михайлова Радищевского*. Список перевода «Воинской книги» в числе 5 рукописных книг был поднесен в дар царю *Феодору Алексеевичу* в 1681 г. князем *Н. И. Одоевским*. Список I части перевода принадлежал ок. 1665 г. *Симону Азарьину*.

Лит.: Соболевский. Переводная литература. С. 42, 103—104; Луппов С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 112; Клитина Е. Н. Симон Азарьин: (Новые данные по малоизученным источникам) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 305, 310.

О. А. Белоброва

Морозов Борис (Илья) Иванович (1590—1662) — боярин, стольник, с 1633 г. воспитатель, а затем и друг царя *Алексея Михайловича*, автор писем, владелец книг. Свою карьеру он начал в 1620-е гг.; к 1660-м гг. он сумел значительно расширить свои земельные владения и наладить промышленное производство и торговлю хлебом к большой личной выгоде. В вотчинном хозяйстве М. применялось немало жестоких мер по отношению к крестьянам. Рачительный хозяин, владелец заводов и вотчинных земель, М. утвердил свое положение при царском дворе, женившись на сестре царицы А. И. Милославской. Дядька молодого царя, не имевший порядочного образования, но обладавший организаторскими способностями, к 1645 г. М. фактически управлял Большой казной, Стрелецким и Иноземным приказами и оказывал сильное влияние на Алексея Михайловича. Введенный в стране по инициативе М. режим экономии, в том числе в содержании стрельцов, повышение налога на соль, денежная реформа и др. подобные меры имели целью пополнить царскую казну. Во время Московского восстания 1648 г. дом М. в Московском Кремле был разорен, а его ставленники Л. Плещеев и Траханиотов убиты. Благодаря личному покровительству царя М. был под охраной отослан в Кирилло-Белозерский монастырь, где он пробыл все лето 1648 г. Здесь вскоре было составлено «Слово на обретение мощей Кирилла Белозерского» (ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 13, л. 120—135, не издано) в память о спасении М. во время бури на Белом озере. Вернувшись в Москву в октябре 1648 г., М. больше не занимал прежние официальные посты, но остался достаточно влиятельным лицом. К нему, например, обращался с просьбой ходатайствовать перед царем гетман Богдан Хмельницкий в 1651 и в 1653 гг. Сохранилось письмо М. Богдану Хмельницкому от 25 марта 1654 г. о приеме в Москве его послов С. Богдановича и П. Тетери.

К концу жизни (1660 г.), когда М. много болел, относится его ценный вклад в Успенский собор Московского Кремля — богато украшенное серебряное шестиярусное паникадило работы иностранных мастеров весом в 66 пудов и 16 фунтов, т. е. более 1 т (вывезено из Москвы в 1812 г. французами). Известие об этом грандиозном вкладе читается в летописных текстах XVII—XVIII вв. (ср.: Н а с о н о в А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII вв. М., 1969. С. 422—423). Из числа принадлежавших М. книг известен список *Жития Зосимы и Савватия* соловецких, XVII в. (Выголексинское собр., № 46). О причастности М. к кружку «западников» Ф. М. Ртищева в 1640-х гг. позволяют судить два литературных памятника: 1) Послание архимандрита *Венедикта* Царегородского к некоему Борису Ивановичу (толкование Апокалипсиса), известное в двух списках XVII в. (ГИМ, Синодальное собр., № 484, л. 271—275 и ГПБ, Q.I.1010, л. 207—210); 2) Предисловие неизвестного переводчика, обращенное к Илье Ивановичу Морозову, перед текстом книги Трота Помпея «Рассказы по всемирной истории», озаглавленной в переводе «Краткое пяти монархий древних описание» (БАН, 16.17.30, л. 3—116). У М. были также контакты с Винусом-старшим по поводу горнорудного дела и производства поташа. Наличие у М. двух имен — Борис и Илья — привело к некоторой путанице в литературе (например: Л е в и н с о н Н. Р. Подвесные осветительные приборы XVI—XVII вв. // Труды ГИМ. М., 1941. Вып. 13. С. 88 (автор сообщает о двух разных паникадилах, вкладах Б. И. и И. И. Морозовых); П у ш к а р е в Л. Н. Общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVII века: Очерки истории. М., 1982. С. 220 (Борис и Илья здесь считаются братьями). Автограф М. опубликован в кн.: Русский исторический альбом, изданный М. Погодиным. М., 1853, лист 17, № 112. Отзывы о М. находим у Мейерберга и других иностранных путешественников в России. Книги на латинском и немецком языках XV—XVII вв. с владельческими надписями М. хранятся в БАН СССР и в Иркутске (Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Л., 1956. Вып. 1: XVIII век. С. 429—431; Б о н н е р А. Г. Бесценные сокровища. Иркутск, 1979. С. 75—76).

Соч.: АЮЗР. Т. 10, № 8/XXIV. С. 513—514 (Письмо Богдану Хмельницкому; перепечатано в кн.: Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы в трех томах. М., 1953. Т. 3, № 246. С. 565—566).

Лит.: З а б е л и н И. Е. Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве // Вестник Европы. 1871. Т. 1; С м и р н о в П. Правительство Б. И. Морозова и восстание в Москве 1648 г. Ташкент, 1929; Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. Л., 1933. Ч. 1, 2; П е т р и к е е в Д. И. Земельные владения боярина Б. И. Морозова // ИЗ. М., 1947. № 21. С. 51—104; Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. М., 1940. Т. 1; 1945. Т. 2.

О. А. Белоброва

Моховиков Симеон Федорович (первая четверть XVIII в.) — автор рассказа о чуде, совершенном иконой с изображением *Максима Грека*, возможный автор наиболее пространного из *Сказаний о Максиме Греке* и собрания чудес преподобного, возможный автор Сказания о чудесах от икон Божьей матери. Скучные биографические сведения о М. содержатся в его «Чуде новейшем преподобного отца нашего Максима Грека», в котором повествуется о событиях 1720 г. Старообрядец М., уже молодой человек, служил сторожем Благовещенского собора Московского Кремля и имел свою торговлю — лавку в Седельном ряду. Между тем выяснилось, что ревностный исполнитель петровского указа некий подьячий Михаил Морсочников похвалялся обрить героя или даже вырвать «щипками» его бороду. Надеясь на заступничество Максима Грека, М. заказал его икону изографу Евстафию. Но Евстафий изобразил Максима с благословляющей рукой, сложенной тремя перстами, за что был немедленно наказан преподобным: его рука покрылась нарывами и вы-

сохла. Слухи о чуде дошли до царя, который повелел схватить изографа и самого М.; оба спаслись бегством. О дальнейшей судьбе М. сведений нет.

«Чудо новейшее» сохранилось в единственном списке первой трети XVIII в. (ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 338), где оно завершает целую серию чудес Максима Грека (первые шесть чудес заимствованы тут из Жития Дионисия Зобниновского). Чудеса в свою очередь примыкают к Сказанию о Максиме Греке («Сказание о житии и страдании преподобнаго отца нашего Максима Грека философа. . .») — наиболее обширному из жизнеописаний святогорского старца, составленному на основании более ранних сказаний, собственных сочинений Грека, наконец, *Повести о втором браке Василия III*. Это Сказание, в котором рассказ о жизненном пути Максима приспособлен к агиографическому канону и украшен некоторыми легендарными подробностями (например, афонский старец называется архимандритом Ватопедского монастыря), также неизвестно в других списках. Кроме Сказания и собрания чудес в рукописи В. М. Ундольского помещено особое собрание сочинений Максима Грека — Архивное 2 (его описание см. в работах Д. М. Буланина). Поскольку сборник переписан рукой М. (запись на л. 244 об.), С. А. Белокуров высказал резонное предположение, что герой «Чуда новейшего» является автором и Сказания о Максиме, и всего собрания чудес.

В 1971 г. археографическая экспедиция МГУ привезла сборник с владельческой записью М., содержащий рассказы о чудотворных иконах и чудесах святых (Науч. б-ка МГУ, № 10535-22-71). Исследовавшая сборник И. В. Поздеева полагает, что состав его был установлен до начала переписки (на это указывает внутреннее единство книги), и считает М. его составителем. Датируется сборник 1714—1716 гг. — первая дата определяется собором, предавшим проклятию последователей ереси Димитрия Тверитинова («пяточисленные еретици» сборника М.), вторая названа на л. 538 об. рукописи. И. В. Поздеева атрибутирует М. читающееся в рукописи «Сказание известно вкратце» о богородичных иконах, которое украшено гравюрами, по большей части резанными Г. П. Тетчегорским. Авторство сторожа Благовещенского собора обличает свойственный Сказанию интерес к Максиму Греку, причем, как и в Сказании о Максиме Греке, он называется архимандритом.

Книга в целом и входящее в нее составной частью Сказание составлены для борьбы с «иконоборческой ересью» Тверитинова. Автор Сказания проявил исключительную начитанность, использовав материал почти пятидесяти произведений, оригинальных и переводных.

Соч.: Белокуров С. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898. Приложения. С. XLIII—CXXV; Russische Heiligenlegenden / Hrsrg. von E. Benz. Zürich, 1953. S. 366—412 (перевод на нем. яз.).

Лит.: Klostermann R. A. Maxim Grek in der Legende // Zeitschrift für Kirchengeschichte. 1934. Bd 53, 3. Folge 4. S. 206—227; Denissoff E. Maxime le Grec et ses vicissitudes au sein de l'église russe // Revue des études slaves. 1954. T. 31. P. 16—17; Поздеева И. В. 1) Археографические работы Московского университета в районе древней Ветки и Стародуба (1970—1972 гг.) // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1975. М., 1976. С. 57—58; 2) Вновь найденный сборник Симеона Моховикова с гравюрами Г. П. Тетчегорского // Народная гравюра и фольклор в России XVII—XIX вв. М., 1976. С. 175—198; Буланин Д. М. 1) Лексикон Свиды в творчестве Максима Грека // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 275—279; 2) Переводы и послания Максима Грека: Незданные тексты. Л., 1984. С. 236—238.

Д. М. Буланин

Найденов Иван Сидоров (вторая половина XVII в.) — толмач Посольского приказа, автор «Сказки». Биография его известна из «Сказки», записанной 20 августа 1682 г. в Архангельске, в съезжей избе при воеводе князе Никите Семеновиче Урусове и дьяке Федоре Микулине. В 1670 г. казачий сын Н. был взят в плен азовскими татарами под городом Ва-

луйки (на Белгородчине) «на пашне». Через месяц из Азова он был продан в Царьград турецкому паше, у которого прожил «во дворе» десять лет. Бежав ночью, он доплыл в лодке до французского «опасного» корабля, на котором через четыре недели дошел до Марселя, а затем с письмом капитана пешком добирался год до Парижа. Если верить словам Н., то он получил аудиенцию у французского короля Людовика XIV, который, «досмотря того письма, отпустил его, Ивашка, до Английской земли с тем же письмом». Из Парижа до Лондона Н. доехал за четыре дня. Но была зима, и торговые корабли в Архангельск не ходили. Так как жить Н. было не на что, то он нанялся на английский военный корабль «в работу из хлеба и платья» и в составе эскадры из ста кораблей участвовал в экспедиции в Арапскую землю «для войны с арапы о. . . королевском городе Азере». Экспедиция заняла полтора года. После успешного завершения похода, прожив в Лондоне еще два месяца, Н. нанялся на торговый корабль, на котором и пришел к Архангельску. Переводчики Посольского приказа «свидетельствовали и сказали, что он, Иван, по-французски и по-турски говорить умеет», после чего Н. был назначен толмачом.

«Сказка» Н. — деловая записка, свидетельствующая о способах, коими пополнялись кадры служащих Посольского приказа. За границами этого лаконичного документа остались впечатления Н. о Франции Людовика XIV, незадолго до путешествия бывшего пленника пережившей грандиозные крестьянские восстания. Равно не найдем в нем и подробностей о Царьграде, и об Англии времени реставрации Стюартов, правительство которых в лице Карла II получало от Людовика XIV финансовую помощь. Трудно сказать, в какой колониальной кампании участвовал Н. Можно только высказать догадку, не кроется ли за упомянутым им городом Азером Танжер в Африке, находившийся под властью Англии с 1661 по 1684 г. Последние годы английского правления были отмечены рядом восстаний местного населения. Возможно, масштабы и сроки этой военной экспедиции несколько преувеличены. Вообще по расчетам Н., зафиксированным в «Сказке», получается, что после побега его из Царьграда до прибытия в Архангельск прошло два года одиннадцать месяцев, что не совпадает с датами документа.

Соч.: «1682 г. 20 августа Сказка казачьего сына Ивана Сидорова Найденова о побеге из турецкого плена чрез Францию и Англию» / Сообщ. С. К. Богоявленский // ЧОИДР. 1917. Кн. 2 (251), отд. II: Смесь. С. 30—31.

М. Д. Каган

Неронов Иван (Гавриил) (в иночестве Григорий) (1591—2 I 1670) — писатель-старообрядец, зачинатель «боголюбческого» движения. Родился в скиту Спаса на Лому, на реке Саре (в 60 «поприщах» от Вологды). Крещен был Гавриилом (отсюда монашеское имя на «глаголь»), прозвание получил по имени отца Мирона (в просторечии Нерона). «По святом же крещении изволися отцу и матери преименовати младенца Иоанном» (ср. его подписи в зрелые годы: «К сему прошению и молению Казанской протопоп Гавриил, рекомый Иоанн Неронов руку приложил»).

В Смуту отчий дом Н. был разграблен и сожжен. Н. в сопровождении некоего «отрока Евфимия» ушел в Вологду, где начал проповедническую деятельность. Н. исповедовал идею «оцерковления» человека, поэтому в Вологде на святках (это было в 1610-х гг.) он дерзнул обличать архиерея, в доме которого «славили» ряженые и скomorохи. «И начаша Иоанна бити немилостиво», потому что скomorошество в ту пору еще было естественным элементом культуры и пользовалось покровительством светских и духовных властей.

Отсюда он перебрался в Устюг, принадлежавший к Вологодской епархии, и здесь приобщился книжной науке. Она давалась ему нелегко:

«. . .учаешься зело медленно, яко един букварь учаше лето и месяцев шесть». Потом Н. жил в Никольском, пригородном селе Юрьевца Повольского, в доме местного священника, на дочери которого Евдокии он женился. Здесь, по-видимому, он был возведен в низшую церковную степень чтеца. В Никольском Н. обнаружил себя поборником ригористического «боголюбчества». Обличаемые им в «развращенном житии» местные попы подали патриарху *Филарету* жалобу, под которой подписался и тесть Н. Ему пришлось тайно ночью бежать из Никольского в Троице-Сергиев монастырь, где Н. нашел покровителя в *Дионисии Зобнинском*, став его келейником. По просьбе Дионисия патриарх рукоположил Н. в дьяконы, а через год — в иереи.

Новопоставленный священник продолжал свою борьбу за благочестие клира и мирян. Возвращение в Никольское и новые распри с местным духовенством; учеба у популярного тогда священника Анании в нижегородской деревне Лысково; переселение в Нижний Новгород, где Н. облюбывал ветхую, много лет пустовавшую церковь Воскресения Христова, — таковы странствия молодого «боголюбца». Н. возродил личную проповедь, которой уже несколько столетий не знало русское православие, «на стогнах града и на торжищах. . . возвещающая всем путь спасения» по «*Маргариту*» Иоанна Златоуста — книге, всегда находившейся при нем.

Его проповедническая деятельность была одушевлена идеей «социального христианства». Он заводил школы, богадельни, вмешивался в дела светских властей — не только в провинции, но и в столице. За неодобрение похода 1632 г. Н. попал на два года в ссылку в Никольский Корельский монастырь. Когда Н. освободили, он вернулся в Нижний Новгород, а после смерти царя *Михаила Феодоровича* (1645 г.) поселился в Москве. Здесь Н. снискал славу виднейшего из «ревнителей благочестия» и попал в ближайшее окружение юного государя. По ходатайству царского духовника *Стефана Вонифатьева* и Ф. М. Ртищева он стал протопопом Казанского собора.

1645—1652 гг. — время самых больших успехов Н. Казанский собор не вмещал желающих послушать его проповеди. Он «написа же и окрест стены. . . поучительная словеса». Это был новый принцип общения с аудиторией: если в средние века учили каждого конкретного человека («духовный отец» и «духовное чадо»), то Н. адресовался сразу ко многим.

Когда «боголюбец» *Никон* был избран патриархом, он порвал со своими прежними сподвижниками. Конфликт приобрел особенную остроту, когда началась реформа обряда. Н. резко протестовал и 4 августа 1653 г. был выслан из Москвы в Спасо-Каменный монастырь. Там и началась его писательская деятельность. Оттуда Н. направлял послания царю, царице, Стефану Вонифатьеву (их под диктовку автора писали его сын Феофилакт и игумен *Феоктист*). Основная их тема — антииконовская. В «росписи царю государю» споры с патриархом Н. привел дерзкие его отзывы об *Алексее Михайловиче* («мне де и царская помощь негодна и ненадобна, да таки де на нее плюю и сморкаю»). Другая тема (не считая просьб о защите преследуемых Никоном «боголюбцев») — тема упадка церкви («всяко благочестие преста и чадом церковным везде плачь»), а также эсхатологические предсказания.

На Кубенском озере в Спасо-Каменном монастыре опального протопопа приняли с почетом. Архимандрит Александр «выше келаря поставлял его в церкви», «слугу ему дал для чести, и ис поварни прибавочныя ествы приносить к нему повелевая в келью первому слуге. . . а прочим слугам квасу добрава. . . носить повелевая в оловяниках, — братины медные с покрышками». Однако Н. не ужился с братьей, то и дело вмешивался в монастырский обиход и в конце концов донельзя разозлил настоятеля: «. . .архимандрит же, ем его за власы, по трапезе влачаше и рукама по щекам бияше время довольно». Из-за этих распрей Н. было решено от-

править в далекий Кандалакшский монастырь (1 июля 1653 г.). Путь туда лежал через Вологду; здесь 13 июля Н. сочинил «общую отписку всем христолюбцам», московским своим друзьям и ученикам, в которой шла речь о наступлении «последнего времени».

Литературная работа продолжалась и в Кандалакшской обители (в Переславль-Залесский Н. послал «за своею рукою тетради», которые до нас не дошли). Н. очень скоро бежал из Кандалакши вместе с тремя спутниками: «В 4-м часу нощи в маленьком карбасе поехали морем; а все неискусны морскому плаванью. Из монастыря были за ними две погони: одна за 70 верст от монастыря, а другая за сто верст; ближнюю погону видели, — стояли в то время на острове, часы пели и хлеба ели; а другие погони не видели. Августа в 10 день, Богу изволившу, воста ветр от запада; так подняли парус, сшиты были две рогожи новые, и ехали парусом версты з две. И внезапно бысть буря велия, волнам убо восходящим на высоту. . . и карбас в мале не опровержеса, зане от страха содержащего не можаху паруса спустити». Удалось все же доплыть до Кемского устья. Отсюда беглецы на промысловой ладье отправились на Соловки, и тогда, и потом бывшие оплотом староверия.

До Москвы Н. добирался сначала морем, а потом посуху, минуя речной путь по Северной Двине, так как Никон повсюду разослал приказы задержатъ беглого протопопа: «И много молва бысть в Русии Иоанна ради». В столице Н. жил в келье у Стефана Вонифатьева. Царю это было известно, но от Никона все скрывали (вообще царь мирволил Н.). 25 декабря 1666 г. Н. стал иноком: «. . . пострижен же бысть старец Григорий в Данилове монастыре в соборной церкви, по отписке протопопа Стефана, за ево рукою» (в Переславле-Залесском). Через год старец Григорий рискнул явиться к патриарху.

Зная, конечно, о расположении царя к Н., Никон отнесся к нему весьма снисходительно, позволил жить на Троицком подворье, часто принимал Н. в крестовой палате. Изложение их бесед («Записка о жизни Ивана Неронова с 1653 по 1659 г.», написанная либо игуменом Феоктистом, либо кем-то другим из близких Н. людей) скорее всего недостоверно, ибо Н. все время нападает, а Никон защищается, и весьма неуверенно. Однако самый факт «прений» с глазу на глаз отрицать нельзя. Патриарх пошел на компромисс, чтобы угодить царю, «разрешил» Н. от «клятвы» и благословил его.

По натуре Н. был вечным странником (об этом хорошо сказал Никон: «И бегает и является»). Два места особенно привлекали его — Москва и родная Спасская обитель на Лому. Последнюю он обустроивает (на деньги московских доброхотов), начинает там каменное строительство и т. д.

После того как в 1658 г. Никон оставил патриарший престол, у Н. появились надежды на отмену церковной реформы. Он подает царю челобитные о скорейшем избрании нового главы церкви (в 1660 и 1664—1665 гг.), в челобитной от 6 декабря 1664 г. заступает за протопопа *Аввакума*: «Милости у тебя. . . прошу со слезами о изгнаннем ссыльном протопопе Аввакуме Петрове». Н. просил царя отпустить Аввакума на покой в Спасский на Лому монастырь, «чтоб маленьким ево сироткам в зимное время на нужном пути до Пуста-озера от студени безгодною смертию не помереть, яко же и прежде в Даурех двое детей ево от глада помроша». Хотя все эти просьбы успеха не имели, но и на положение Н. никак не повлияли. Только в 1665 г. постигли его новые беды.

Причиной были распри с архиепископом Вологодским *Симоном*, который в соответствии с каноническим правом требовал, чтобы Спасский на Лому монастырь ему подчинялся. Н. запальчиво отстаивал самостоятельность обители — и проиграл дело. 21 августа 1665 г. сыну боярскому Михаилу Онучину было указано везти из Москвы в Вологду в распоряжение Симона колодника (!) Н. и в дороге его «беречь накрепко с ве-

ликим бережением, чтоб он з дороги не ушел и дурна над собою какова не учинил» (это стереотипная формула, применявшаяся в XVII в. к преступникам). Но и тут царь заколебался и задержал Н. в Переславль-Залесском Горлицком монастыре. Хотя колодник все же попал «под начал» к Симону Вологодскому (тот поместил его в Прилуках), однако ненадолго. Уже 14 марта 1666 г. Н. — в Иосифове Волоколамском монастыре; он отправляет здесь священнические обязанности, произносит проповеди (опять по «Маргариту») — и ссорится с местным начальством.

В 1666—1667 гг. имел место пресловутый собор (сначала на нем присутствовали только русские иерархи, а потом и «всееленские патриархи»), который наложил «клятвы» на приверженцев старой веры. Н., надеясь поначалу на благоприятный для «ревнителей древлего благочестия» исход собора, подал челобитную, которая кончалась такими словами: «А за имя великаго Бога и за государское величество аще и смерть приму, но не буду молчать». 1 июля 1666 г. Н. был осужден собором, а 20 сентября возвращен в Волоколамский монастырь, но теперь уже «под начал» — «за церковный мятеж и к освященному собору за непокорение».

Это сломило его, в 1667 г. он представил покаянное послание и в нем отрекся от того дела, за которое боролся и страдал всю жизнь. Последние годы он был архимандритом Данилова Переславского монастыря. 26 декабря 1669 г. Н. «начат зельне изнемогати, огницею бо содержимый бяше... И пребыть в болезни той 7 дней, нимало могый от одра востати... Во утрие же, ианнуария в 2 день, в последний час ноци, предаде... душу с миром богу». В Даниловском монастыре он был и похоронен.

До нас дошло не все написанное Н. Когда в начале 1666 г. конфисковывалась библиотека жившего в Вятке игумена Феокиста, была составлена опись отобранных у него старообрядческих рукописей. Среди них — немало сочинений Н., в частности «Девят тетраток в четверть связаны, а в них писано моление Григория Неронова к великому государю, каково подано великому государю у праздника пресвятыя Богородицы Казанские в 22 день». Эти «девять тетраток» ныне неизвестны.

Как писатель Н. не возвышается над средним уровнем многочисленных старообрядческих авторов. Его популярность (и громадная) — это популярность «первого боголюбца».

Соч.: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1875. Т. 1, разд. 1, 2.

Лит.: Знаменский П. Григорий Неронов // ПС. 1969. Ч. 1. С. 236—282, 325—366.

А. М. Панченко

Никанор (вторая половина XVII в.) — архимандрит Воскресенского Новоиерусалимского монастыря (в 1686—1698 гг.), автор монастырского летописца, написанного досиллабическим стихом. Текст летописца вырезан на каменных плитах при южных дверях Воскресенской церкви. Н. сообщает, как, когда и кем была основана Воскресенская обитель, воздаст должное патриарху *Никону* — ее основателю. В летописце нашли отражение сведения, связанные с судьбой патриарха Никона: его вынужденный отъезд из Воскресенского монастыря, а впоследствии его погребение здесь. Заканчивается летописец сообщением об освящении в 1685 г. Воскресенского каменного храма. Н. принадлежит также стихотворная надпись на каменной плите в церкви Всех Святых Воскресенского монастыря над могилой архимандрита *Германа*.

Соч.: Леонид, архимандрит. Историческое описание ставропигиального Воскресенского Новый Иерусалим именуемого монастыря // ЧОИДР. 1874. Кн. 3. С. 92—98, 101, 9; Кн. 4. С. 128—129.

Лит.: Филарет. Обзор. С. 256 (№ 239); Позднеев А. В. 1) Рукописные песенники XVII—XVIII веков: (Из истории песенной досиллабической поэзии) // Учен. зап. Моск. гос. заоч. пед. ин-та. М., 1958. Т. 1. С. 18; 2) Песни-акrostихи Гер-

мана // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 364; 3) Никоновская школа песенной поэзии // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 421—422; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 113—114.

М. А. Салмина

Никифор Евдокимов (вторая половина XVII в.) — мастер книгопечатного дела, работавший в типографии Валдайского Иверского Богородицкого монастыря. Типография была вывезена на Валдай из Кутеин по распоряжению патриарха *Никона*, переведшего в основанную им в Новгородских пределах обитель и всю братию Кутеинского Богоявленского монастыря. Прибывшая на место назначения к лету 1656 г. типография начала функционировать при участии белорусских мастеров, к числу которых, надо полагать, относился и Н. Е. Современным библиографам известны три книги, напечатанные в Иверском монастыре: Часослов 1658 г. с анонимным предисловием, «Рай мысленный» 1658—1659 гг. и «Брашно духовное» 1661 г., предисловия к которым подписаны архимандритом *Филофеем* «з братиею». Однако этими изданиями продукция монастырской типографии не исчерпывалась — известно, что в 1665 г. Иверский монастырь по указу *Никона* напечатал царскую жалованную грамоту (текст издания воспроизведен в кн.: *Амфилохий*, архимандрит. История российской иерархии. М., 1812. Ч. 4. С. 222—239) и «Круг часам дневным и noctным» (Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582—1706), собранные о. архимандритом *Леонидом*. Пб., 1878. Стб. 533—535, № 198 (РИБ; Т. 5)); высказывались предположения, что из-под монастырского стана вышли в свет и другие книги: Сахаров И. Иверская типография // Северная пчела. 1842, 17 июля. № 157. С. 627—628 (признается неосновательность предположений об издании каких-либо книг сверх «Рая мысленного», «Брашна духовного» и царской грамоты); *Леонид*, архимандрит. Материалы для истории книгопечатания в России: Типография Оршинского Кутеинского и Иверского Валдайского монастырей (С 1630 по 1665 год) // Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. 1876. № 11—12. С. 92—95. Мы не располагаем сведениями, все ли эти издания, продолжавшие традиции белорусского книгопечатания, готовил Н. Е., были ли у него помощники, принимал ли он участие в редактировании текста. Известно только, что «друкарь» Н. Е. с соборным иеромонахом *Феодосием* сопровождали обоз с типографским оборудованием в Воскресенский Новоерусалимский монастырь, куда патриарх приказал доставить стан и другие материалы в 1665 г. Известно также, что Н. Е. не остался на Истре, но выехал назад, причем в Москве *Феодосий* купил своему спутнику очки «хрустальные».

Лит.: Сидоров А. А. Древнерусская книжная гравюра. М.; Л., 1951. С. 203—206; Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII вв.: Сводный каталог. М., 1958. С. 138—139. Приложение IВ, № 1—3; Голенченко Г. Я. Белорусы в русском книгопечатании // Книга: Исследования и материалы. М., 1966. Сб. 13. С. 99—106; Белоненко В. С. 1) Из истории книгопечатания Иверского Валдайского монастыря // Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг ГПБ. Л., 1988. С. 67—76; 2) Из истории книжности Иверского Успенского монастыря на Валдайском озере в XVII в. // Литература Древней Руси: Источниковедение. Л., 1988. С. 197—206.

Д. М. Булакин

Никодим (вторая половина XVII—первая четверть XVIII в.) — архимандрит *Антониево-Сийского* монастыря (1692—1721 гг.), составитель *Жития* игумена *Феодосия* и *Сийского* иконописного толкового подлинника (см. *Подлинник иконописный*), заказчик, вкладчик и писец рукописей, владелец келейной библиотеки, иконописец. Н. был уроженцем Русского Севера, в детстве обучен грамоте, постригся в монахи в *Антониево-Сийском* монастыре, был на Москве «в строителях», затем назначен (против

воли *Афанасия Холмогорского*) казначеем Антониево-Сийского монастыря и, наконец, его архимандритом.

Житие Феодосия известно в одном списке (БАН, Архангельское собр., д. 408, л. 235—269); оно не опубликовано. Здесь раскрыта интеллектуальная жизнь монастырских властей (Антониево-Сийского и Кожеозерского монастырей), сочетавших хозяйственные заботы с чтением, перепиской и украшением рукописных книг. В Житии фигурируют ученики Феодосия — реальные исторические лица, известные вкладками книг (старец Паисий, казначей московского патриарха, и др.), имеются видения и чудеса, в том числе о счастливом улове и т. п.

Толковый иконописный подлинник (БАН, Архангельское собр., с. 205) и сопровождавший его альбом прорисей икон и западноевропейских гравюр (ГПБ, собр. ОЛДП, F.88) позволяют представить высокий эстетический уровень интересов Н. Перед нами образец целенаправленного собирательства, в чем-то подобного коллекций гравюр и рисунков *А. Виниуса* («Книга Виниуса»). Среди персонажей Сийского иконописного подлинника выделяются Дионисий Ареопagit, *Максим Грек*; многие прорисы имеют подписи, указывающие на авторство иконописцев-знаменщиков — *Симона Ушакова*, *Василия Кондакова* и др. Этот памятник определенно имеет общерусское значение.

По мнению *М. В. Кукушкиной*, Н. принадлежит авторство «Алфавита духовного слагательного» (БАН, Архангельское собр., Д. 527, л. 182—194; не опубликован). *М. В. Кукушкина* исследовала состав келейной библиотеки Н., выделила рукописи, переписанные им самим, и отметила его вклады.

Лит.: Строев. Словарь. С. 216; Верюжский В. Афанасий архиеп. Холмогорский, его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования. . . СПб., 1908. С. 309 и след.; Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Л., 1977.

О. А. Белоброва

Никон (в миру Никита Минов) (V 1605—17 VIII 1681) — патриарх Московский, автор Слова о создании Валдайского Иверского монастыря, «Ответа» на вопросы-ответы Стрешнева—Лигарида, грамот, составитель сборника «Скрижалъ», книголюб. Родился в с. Вельдеманово Нижегородского уезда в крестьянской семье. Учился грамоте у местного грамотея, юношей ушел на учебу в Макарьев Желтоводский монастырь. Вернувшись домой, женился и в 1625 г. был рукоположен попом в церкви одного из соседних сел, однако вскоре по просьбе московских купцов был переведен в Москву. В 1630 г. Никита, уговорив жену принять пострижение в Алексеевском женском монастыре, ушел на Север, где принял монашеский обет с именем Н. в Анзерском скиту, руководимом суровым отшельником *Елеазаром Анзерским*. Вместе с анзерским игуменом, который согласно преданию предсказал царской семье рождение первенца — будущего царя *Алексея Михайловича*, Н. ездил в столицу за «милостыней», предназначавшейся на постройку каменного храма в Анзерах. Однако аскетические подвиги в скиту не смогли укротить деятельную и властолюбивую натуру молодого отшельника. Между ним и Елеазаром возникли трения, и Н. в 1634 г. вынужден был покинуть скит и перейти на жительство в Кожеозерский монастырь, где он в 1643 г. был избран игуменом.

В 1646 г. во время поездки в Москву по делам монастыря Н. был представлен молодому царю Алексею Михайловичу. Еще не старый сорокалетний монах могучего телосложения, речистый, богомольный, обладавший редким по красоте голосом и пользующийся славой сурового аскета — ученика Елеазара Андерского, Н. произвел сильное впечатление на молодого царя. Отличаясь практическим умом и волевым характером, Н. сумел войти в доверие к царю, став его «собинным другом», и со временем подчинил его своему влиянию. По желанию царя Н. был оставлен

в Москве, получив место архимандрита Новоспасского монастыря, где находилась родовая усыпальница рода Романовых. Именно в этот период Н. сблизился с членами просветительского кружка «ревнителей древле-церковного благочестия», в состав которого входили царский духовник *Стефан Воицфатьев*, протопоп Казанского собора *Иоанн Неронов* и другие представители столичного и провинциального духовенства, искавшие пути духовного обновления русской общественной и церковной жизни на путях церковных реформ.

В 1648 г. Н. был назначен на освободившуюся Новгородскую митрополичью кафедру. На этом посту он проявил незаурядные организаторские способности, проявил твердый и решительный характер. В 1650 г. он сумел без кровопролития усмирить восстание новгородцев, вызванное голодом, за что получил благодарность от царя. В Новгороде Н. впервые осуществил некоторые из задуманных им нововведений в церковную богослужебную практику: единогласное чтение в церкви и пение греческим и киевским распевами. Введение единогласия во всей стране было санкционировано церковным собором, состоявшимся в феврале 1651 г. На следующий год Н. по своей инициативе и с санкции правительства отправился в Соловецкий монастырь за мощами митрополита *Филиппа* (убитого по приказанию *Ивана Грозного*), которые было решено перевезти в Москву. Это был политический акт, символизирующий «покаяние» царской власти перед церковной, а также их примирение для будущего тесного сотрудничества. В связи со смертью патриарха *Иосифа* Н. по возвращении с Соловков был соборно избран на патриарший престол (23 июля 1652 г.).

С весны 1653 г. Н. при поддержке царя начал проведение в жизнь задуманных им церковных реформ, которые по своей внешней форме состояли в унификации русских церковных обрядов с греческими (замена двухперстного крестного знамения триперстным, перемена некоторых других обрядов, новая редакция текста «символа веры» и текстов ряда богослужебных книг). По своему внутреннему смыслу эти реформы преследовали цель регламентации идеологической жизни общества, придания ей определенного единства. Их организаторы стремились закрепить феодально-иерархическое положение князей церкви и повысить ее роль в целом как государственного учреждения. Во внешнеполитической области реформы Н. проходили под знаком откровенного «грекофильства», которым увлечены были в то время царь и патриарх. Исправление книг и обрядов по новогреческим образцам, принятым также в южнославянских странах, служило укреплению церковно-политических связей России с этими странами и соответствовало честолюбивым планам Н. стать фактическим главой вселенской православной церкви. Однако эти реформы были враждебно встречены значительной частью русского духовенства, выступившего против нововведений, насаждавшихся на местах крутыми волевыми методами. Они были восприняты как серьезное покушение на основы национальной самобытности и духовной жизни народа, как навязывание правящей верхушкой чуждых элементов идеологии и культуры, заимствованных с Запада. По словам А. М. Панченко, церковная реформа 1653—1658 гг. «перевела с обиходного на событийный уровень культуры весь реформированный церковный обряд, церковные и монашеские одежды, музыку, живопись, закрепленные авторитетом церкви обычаи и традиции, богослужебные книги. В силу этого спор об исторической правоте традиционалистов и реформаторов-никонов был неожиданно перенесен на самую болезненную для средневекового сознания идеологическую почву церковной догматики и принял четкие формы борьбы никонов-реформаторов с защитниками старой веры». Так в русской церкви возник раскол, после чего Н. и светская власть начали жестоко преследовать старообрядцев-традиционалистов, среди которых было много бывших друзей и единомышленников патриарха по кружку «ревнителей благочестия».

Н. активно участвовал в решении политических вопросов государственной жизни, вмешивался в дела гражданского управления. Рост недовольства в придворных кругах произволом и властью Н. способствовал охлаждению к нему царя. Разрыв был вызван и разным подходом царя и патриарха к оценке роли церкви и государства. Н., обновив старую католическую теорию о том, что «священство выше царства», пытался использовать реформу для укрепления церковной организации и усиления личной власти патриарха с тем, чтобы освободить церковь от всякой опеки царской власти. В 1658 г. Н. демонстративно покинул патриарший престол и уехал в построенный им Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. Опальный патриарх надеялся, что царь одумается и вернет его в Москву; однако этого не произошло. Когда Н. в 1664 г. самовольно приехал в столицу и попытался вновь занять патриаршее место, его выслали обратно. Церковный собор 1666—1667 гг., проходивший при участии греческих патриархов, снял с него сан патриарха, подтвердив при этом правильность церковной реформы, проведенной Н. Бывший патриарх был послан как простой чернец в Ферапонтов, а затем переведен в Кирилло-Белозерский монастырь. В 1681 г. царь *Феодор Алексеевич* разрешил Н. вернуться из ссылки и поселиться вновь в Новоиерусалимском монастыре. По дороге из ссылки Н. умер и был похоронен в вышеназванном монастыре по патриаршему чину.

Образованный для своего времени человек, Н. понимал значение просвещения и книгопечатания в России. Есть сведения о попытке Н. организовать типографию при Хутыньском монастыре еще в бытность его на новгородской митрополии (Н. А. Гиббенет). Позднее, уже в период патриаршества, Н. перевел типографию из упраздненного Кутейнского монастыря в один из основанных им — Иверский Валдайский монастырь. Здесь были напечатаны три книги: Часослов (1658 г.), «Рай мысленный» (1659 г.) и «Брашно духовное» (1661 г.). В сборнике «Рай мысленный» помещено собственное сочинение Н.: «Слово благополезное о создании монастыря пресвятыя Богородицы Иверския». Еще два сочинения Н. вышли ранее в Москве особыми изданиями. Это Грамота об основании Крестного монастыря на Белом море (1656 г.) и Поучение о моровой язве (1656 г.). Несомненно участие Н. в составлении и редактировании обширного полемиического антистарообрядческого сборника «Скрижаль» (М., 1655—1656), составленного из большого количества оригинальных и переводных сочинений и материалов.

Кроме названных сочинений Н. принадлежит значительное число писем, посланий, грамот, челобитных, написанных им с 1652 по 1681 г. и адресованных разным лицам. Часть этого эпистолярного наследия издана в приложениях к книгам Аполлоса, Н. А. Гиббенета, С. М. Соловьева и в «Деле о патриархе Никоне», изданном Археографической комиссией. Ряд этих писем и посланий имеет публицистический характер. Таковы письма Н. к царю Алексею Михайловичу, Паисию Лигариду, к восточным патриархам Нектарии и Дионисию, «Возражение», или «Ответ» на вопросы боярина Радиона Стрешнева к Паисию Лигариду и ответы на них последнего (Г и б б е н е т Н. А. Исторические исследования. . . Т. 2. С. 176—249, пересказ).

Особенно велика роль Н., бывшего большим книголюбом, в организации библиотечного дела и сосредоточении в Москве и в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре старинных рукописей, что было связано в первую очередь с нуждами проводимой им церковной реформы. Для этой цели им были затребованы старинные книги из 39 русских монастырей. В Москве поступившим книгам была сделана опись (см.: С а в в а, архимандрит (Тихомиров). Указатель. . . С. 100—102). В 1653 г. по инициативе Н. была организована поездка на православный Восток ученого монаха *Арсения Суханова* за греческими и древними славянскими рукописями. Собранные книги легли в основу двух крупнейших русских на-

циональных библиотек — Патриаршей и Типографской. Имел Н. и личную библиотеку. По подсчетам С. П. Лупова, в нее входило 156 книг на русском и иностранных языках. Сведения об этой библиотеке можно почерпнуть из «Переписной книги» домового казны патриарха, составленной в 1658 г. Много книг Н. пожертвовал в основанные им монастыри: Воскресенский Новоиерусалимский, Богородицкий Иверский и Крестный Онежский. Большая часть книг из библиотек Н. хранится ныне в Синодальном собрании ГИМ и в других книгохранилищах Москвы и Ленинграда. Выявление и описание книг этой библиотеки — задача будущего.

Почерк патриарха Н. воспроизведен в книгах Аполлоса и А. Чирецкого. В книге Аполлоса воспроизведен также герб Н., взятый из книги «Рай мысленный», и патриаршая печать. Митрополит Платон (Левшин) писал, что «патриарх Никон был просвещением выше своего века, что он, как пастырь, был ревностный и попечительный, и как человек — доброй и верной души, но своенравен и горяч даже до излишества, неуступчив даже до упрямства, пышен по внешности, даже до возбуждения зависти других» (Цит. по: Г и б б е н е т Н. А. Историческое исследование. . . Т. 2. С. 464).

Соч.: А п о л л о с. Начертание жития и деяний Никона, патриарха Московского и всея России. 4-е изд. М., 1845; С о л о в ь е в С. М. История России с древнейших времен. М., 1964. Т. 11: Примечания; P a l m e r W. The Patriarch and the Tsar. London, 1871—1876. Т. 1—6; Г и б б е н е т Н. А. Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1882—1884. Ч. 1—2; Дело о патриархе Никоне / Изд. Археологической комиссии. СПб., 1897.

Лит.: Ш у ш е р и н И. Житие святейшего патриарха Никона, писанное некоторым бывшим при нем клириком / Изд. О. П. Козодоева. СПб., 1784; 2-е изд. СПб., 1817; П л а т о н, митрополит (Левшин). Краткая российская церковная история. 2-е изд. СПб., 1822. Т. 2; Переписная книга домового казны патриарха Никона: (О составе библиотеки патриарха Никона по описи 1658 г.) // ВОИДР. М., 1852. Кн. 15. С. 8—15; С а в в а, архимандрит (Тихомиров). Указатель для обозрения Московской Патриаршей (ныне Синодальной) ризницы и библиотеки. М., 1855; Арсений Грек при патриархе Никоне // ПС. 1858. Ч. 3. С. 328—353; С у б о т и н Н. И. 1) Дело патриарха Никона: (Историческое исследование по поводу 11 тома «Истории России» проф. Соловьева). М., 1862; 2) Рассказ Петра Великого о Никоне патриархе // Русский вестник, 1864. Т. 49; 3) Московский собор 1654 г. М., 1873; М и х а й л о в с к и й С. 1) Жизнь св. Никона, патриарха Всероссийского. С 9 рис. М., 1873; 2) Святейший Никон, патриарх Всероссийский. Б. м., б. г. (с портретом Никона и факсимиле его почерка); К-в В. Взгляд Никона на значение патриаршей власти. СПб., 1880; М а к а р и й, митрополит. 1) Патриарх Никон в деле исправления церковных книг и обрядов. М., 1881; 2) История русской церкви. СПб., 1883. Т. 12; К о л о с о в В. Старец Арсений Грек // ЖМНП. 1881, сентябрь. С. 77—93; К а п т е р е в Н. Ф. 1) Следственное дело об Арсении Греке // ЧОЛДП. 1881, июль. С. 70—96; 2) Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М., 1885; 2 изд. Сергиев Посад, 1914; 3) Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. М., 1887; 4) Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909—1912. Т. 1—2; Н и к о л а е в с к и й П. Ф. 1) Обстоятельства и причины удаления патриарха Никона. СПб., 1882; 2) Жизнь патриарха Никона в ссылке. СПб., 1886; 3) Патриаршая область и русские епархии в XVII в. СПб., 1888; Ж и з н е в с к и й А. К. Поход великого государя святейшего Никона. . . в 1656 г. в Тверь, Вязьму и Иверский монастырь. Тверь, 1889; Б ы к о в А. А. Патриарх Никон: Библиографический очерк. СПб., 1894; Ч е т ы р к и н Ф. В. Жизнеописание святейших патриархов Московских и всея России (1589—1700 г.) с изображениями их. СПб., 1893. С. 57—77; Б р и л л и а н о в Н. И. Патриарх Никон в заточении на Белоозере: Исторический очерк. СПб., 1899; В е н г е р о в С. А. Источники словаря русских писателей. СПб., 1900. Т. 1; Г е й д е н. Из истории возникновения раскола при патриархе Никоне: Жизнь патриарха Никона / Изд. Воскресенского монастыря. Б. г.; М а т в е е в с к и й П. Святейший Никон, патриарх Всероссийский. Б. м., б. г.; Ч и р е ц к и й А. Патриарх Никон, его жизнь и деятельность: Биографический очерк. СПб., 1908; Б а р с к о в. Памятники; Н и к о л ь с к и й Н. М. История русской церкви. 2-е изд. М.; Л., 1931; З ы з ы к и н М. В. Патриарх Никон: Его государственные и канонические идеи. Варшава, 1931—1939. Ч. 1—3; У с т ь о в Н. В., Ч а е в Н. С. Русская церковь в XVII в. // Русское государство в XVII в. М., 1961; Л у п о в С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970; П а н ч е н к о А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984; Г у н г Г. П. Патриарх Никон и Елеазар Анзерский // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 230—242.

Образцов Дементий (первая половина XVII в.) — дьяк, составитель совместно с Павлом Ивановичем Волинским (о последнем известия скудны) «Росписи книгам святейшаго патриарха Филарета Никитича. . .» 1631 г. Дьяк О. известен по службе в Твери, Новгороде, Нижнем Новгороде, Владимире, Москве (1613—1638 гг.), где он совместно с каким-либо высшим должностным лицом составлял описи, писцовые книги и другие документы. В 1630-х гг. О. имел в Москве двор, где жил с семьей. Роспись книг «на патриарше дворе в книгохранительной палатке» 1631 г. насчитывает 154 книги — из них 148 рукописных и 6 печатных; 5 на греческом языке; по составу книги преимущественно богослужебные; отмечены два летописца, сборник с Хождением Пимена в Царьград. В росписи книг приведены сведения об их переписке («писано в Старице», «письмо патриархова подьячево Еуфима Максимова») или об их покупке («дана три рубли двадцать алтын», «купил ее Юрьевской архимарит Герасим в торгу», «сию книгу продал яз Федор Федоров сын Ивану Данилову Княжину», «куплена в торгу»). Охарактеризованы содержание, формат, переплет, оформление («евангелие писменное, в полдесть, заставицы писаны красками, обочено было камкою, застежки медные, а ныне ободрались», «заставица и строка писано золотом»). Роспись книг показывает, что О. имел не только опыт делопроизводства, но и был начитанным человеком. Роспись книг публиковалась дважды.

Соч.: Беляев И. Д. Роспись книгам святейшаго патриарха Филарета Никитича, учинена по патриаршему приказу Павлом Ивановичем Волинским и дьяком Дементьем Образцовым 20 октября 7140 года // ВОИДР. 1852. Кн. 12, отд. III: Смесь. С. 1—9 (3-я пагинация); В и к т о р о в А. Е. Опись патриаршей ризницы 1631 г. М., 1875. С. 97—117.

Лит.: В и к т о р о в А. Е. Обзорение старинных описей патриаршей ризницы. М., 1875; Л у п о в С. П. Книга в России в XVII веке. М., 1970. С. 170—173; В е с е л о в с к и й С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 379.

О. А. Белоброва

Онуфриев Алексей Захарьевич (середина XVII в.) — стихотворец. Из семьи служилых людей, очевидно, москвич. Отец О. в 1647 г. был пожалован из торговых людей в дьяки и назначен в Казенный приказ, где служил до 1654 г. Сам О. был подьячим в приказе Большого дворца (сведения о нем извлечены из акростиха).

Перу О. принадлежат три стихотворения (всего 123 стиха), которые сохранились в единственном списке (ГПБ, Q.XVII.227, л. 23—27). В них идет речь о «животворящем кресте Господне», что видно из заглавий «Стихи кресту Господню похвални двоестрочни» и «Ини стихи всечестному и животворящему кресту Господню». Анализ стихотворений, сопоставление их с «Грамотой о Крестном монастыре» (М., ок. 1656) патриарха *Никона* и «Сказанием о святем и животворящем кресте в Крестном монастыре на острове Кие» (ГПБ, собр. Погодина, № 1583, л. 4—31 об.) позволяют предположить, что небольшой стихотворный цикл О. был написан после основания Крестного монастыря в 1656 г. Эта датировка подтверждается идейной и иногда текстуальной зависимостью стихотворений от «Сказания» и «Грамоты». Отразившийся в стихотворениях панправославный экспансионизм патриарха *Никона* позволяет думать, что они были написаны до 1658 г., когда *Никон* оставил патриарший престол.

Первое стихотворение называется «Стихи двоестрочни о кнize сей, образу Спасову благодарни и Богородице молебни». Судя по всему цикл предназначался в качестве предисловия для какого-то неосуществленного издания, посвященного Крестному монастырю. Участие О. в таком издании вполне возможно, так как Печатный двор был тесно связан с приказом Большого дворца, где служил О.

Техника стихосложения (неравносложные вирши) и жанр (стихотворное предисловие с акростихом) свидетельствуют о том, что О. был знаком

с поэтической деятельностью поэтов приказной школы, которая к середине XVII в. уже прекратила свое существование.

Соч.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1897 год. СПб., 1900. С. 151—153 (отрывки); Н и к о л а е в С. И. Два стихотворца XVII века // ТОДРЛ. Л., 1935. Т. 39. С. 371—376.

С. И. Николаев

Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич (во иночестве Антоний) (1605/1606—1680) — государственный деятель, дипломат, составитель «записок», «наказов» внешнеполитического и экономического характера, автор писем. О.-Н. происходил из семьи неродовитых псковских дворян; он был образованным человеком, знакомым с правилами риторики; с юности владел латинским и польским языками, позднее выучил немецкий и молдавский языки. В 1630-х гг. О.-Н. служил в псковской администрации; с 1642 г. вступил на дипломатическое поприще, приняв участие в пограничных переговорах со шведами (продолжены в 1652 г.) и посетив Молдавскую, а затем и Польскую земли с целью выяснения обстановки (1644 и 1645 гг.). О.-Н. был последовательным сторонником выхода России к Балтийскому морю и возвращения ей земель, захваченных Швецией. В 1658 г. О.-Н. добился Валиесарского перемирия со Швецией, а в 1667 г. участвовал в выработке и подписании условий Андрусовского перемирия с Польшей. С 1667 по 1671 г. он возглавлял Посольский приказ. Наряду с дипломатической деятельностью О.-Н. привлекался и к административной службе: он назначался воеводой пограничных городов, а в 1664—1665 гг. воеводой Пскова, где попытался провести реформы в области городского самоуправления с ограничением торговых привилегий иноземных купцов и др. К 1667 г. О.-Н. подготовил Новоторговый устав в 94 статьи, покровительствующий отечественной торговле, заключил договор с армянской компанией о торговле шелком-сырцом. В это же время по инициативе О.-Н. была создана корабельная верфь на Оке в селе Дединове — прообраз будущего петровского флота (сожжена во время крестьянской войны Степана Разина). В целях обеспечения регулярного обмена корреспонденцией О.-Н. наладил почтовую связь между Москвой, Ригой и Вильно, а в Посольском приказе установил регулярный перевод иностранных газет — выпуск «Курантов». Активная, энергичная натура О.-Н. сказала на деятельности всего Посольского приказа, расширившего при нем связи с Востоком и Западом. Независимость и категоричность в суждениях, ряд тактических просчетов, связанных с руководством Малороссийским приказом, привели к опале О.-Н. и его отставке в 1671 г.

В 1672 г. О.-Н. постригся в монахи в Крыпецком монастыре под Псковом. Сюда он перевез обширный архив, включавший списки грамот, копии писем и др. Эти документы послужили владельцу при составлении челобитной, адресованной царю *Феодору Алексеевичу* в 1676 г., автобиографической записки «Ведомство желательным людям» (1678—1679 гг.) и еще одного сочинения под названием «Извещение истинное о начале войны о Киеве с Украиной и царства Московского с королевством Польским миру совершение быти крепко» (известно в нескольких редакциях). В 1679 г. О.-Н. был вызван в Москву для участия в русско-польских переговорах (для чего он даже снял монашескую одежду), но его предложения не были приняты; О.-Н. был возвращен в Крыпецкий монастырь, где вскоре и скончался. Темперамент полемиста проявился в письмах, челобитных, заметках и докладах О.-Н. По царскому распоряжению бумаги из архива О.-Н. после его смерти были привезены в Москву в Посольский приказ. Среди современников О.-Н. его характеристику оставил в своих записках придворный врач царя *Алексея Михайловича* англичанин С. Коллинс (ум. до 1671 г.).

Соч.: Торговый устав. . . 1667 г. // СГГД. М., 1828. Т. 4. № 55. С. 189—204; ДАИ. СПб., 1853. Т. 5: Акты о Псковских земских и торговых делах. 1665—1666 гг. С. 1—37 (челобитные к царю 1665—1666 гг.); К о п р е е в а Т. Н. 1) Неизвестная записка А. Л. Ордина-Нащокина о русско-польских отношениях второй половины XVII в. // Проблемы источниковедения. М., 1961. Т. 9. С. 195—220; 2) «Ведомство желательным людям» (из автобиографических материалов А. Л. Ордина-Нащокина) // АЕ за 1964 г. М., 1965. С. 333—349.

Лит.: С о л о в ь е в С. М. А. Л. Ордин-Нащокин // СПб. ведомости. 1870. № 70; И к о н н и к о в В. С. Ближний боярин А. Л. Ордин-Нащокин // Русская старина. 1883, октябрь. Т. 40. С. 18—66; Ноябрь. С. 273—308; Э й н г о р н В. О. Отставка А. Л. Ордина-Нащокина и его отношение к малороссийскому вопросу // ЖМНП. 1897, ноябрь. Ч. 314. С. 92—176; К л ю ч е в с к и й В. О. А. Л. Ордин-Нащокин — московский государственный человек XVII в. // Научное слово. 1904. Вып. 3; Л и х а ч Е. Ордин-Нащокин // РБС: «Обезьянинов—Очкин». СПб., 1905. С. 282—303; Ф е й г и н а С. А. Первый русский канцлер А. Л. Ордин-Нащокин // Исторический журнал. 1941. № 5. С. 35—46; Ч и с т я к о в а Е. В. Социально-экономические взгляды А. Л. Ордина-Нащокина // Труды Воронеж. гос. ун-та. Воронеж, 1950. Т. 20. С. 3—57; Г а л а к т и о н о в И., Ч и с т я к о в а Е. А. Л. Ордин-Нащокин, русский дипломат XVII в. (Выдающиеся дипломаты нашей родины). М., 1961.

О. А. Белоброва

Павел (в миру Моравский) (ум. 5 IX 1686) — митрополит Рязанский и Муромский, автор грамоты. В 1672 г. П. был поставлен архимандритом Макарьева Желтоводского монастыря, в 1676 г. — архиепископом Коломенским и Каширским, а в сентябре 1681 г. — Суздальским и Юрьевским. С ноября 1681 г. и до конца жизни был митрополитом Рязанским. При участии П. в Рязани были построены Симеоновский монастырь и Успенский собор — одно из замечательнейших зданий города. Его наставительная грамота 1683 г. обращена к архимандриту Богословского монастыря Иосифу и к келарю Солотченского монастыря Пахомию; в ней говорится о многочисленных нарушениях церковных правил и обрядов в Рязанской епархии. Коснулся П. и знаменитого спора о времени существования, причем придерживался иной точки зрения по этому вопросу, чем патриарх *Иоаким*: «В божественной литургии ума намерение твердо имети. Ума же намерение сие есть, егда глаголет словеса сия: приимите, ядите и пейте от нея, да имать ум свой весь собран в оны словеса. . . Блюда, о иерее! аще во время оно ум твой будет неподвижим. . . ; аще ж в то время уста твоя глаголют оне словеса, ум же твой иная мыслит, веждь, яко смертью, сиречь непрощенно согрешаеши». В своей грамоте П. показывает глубокое знание текста Библии.

Соч.: Т и х о н В о з д в и ж е н с к и й. Историческое обозрение Рязанской епархии. М., 1820. С. 171—181; П и с к а р е в А. И. Древние грамоты и акты Рязанского края. СПб., 1854. № 51. С. 130—131.

Лит.: С о л о в ь е в С. М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 7. С. 432—434; РБС: «Павел преподобный—Петр». СПб., 1902. С. 69—70.

В. К. Зиборов

Павел (ум. 4 II 1692) — митрополит Сибирский и Тобольский, автор наставления и грамот. Долгие годы был архимандритом известных русских монастырей: Суздальского Спасо-Евфимиевского (1663—1671 гг.), Московского Симонова (1671—1674 гг.), Московского Чудова (1674—1678 гг.). 21 июля 1678 г. поставлен в митрополиты Сибирские и Тобольские. Приехав в Тобольск 25 марта 1679 г., произвел не слишком хорошее впечатление на местных жителей (по словам С. У. Ремезова, «всяким образом бе гонитель и сребролюбец»). За полгода до смерти его разбил паралич, о чем С. У. Ремезов сообщает следующее: «. . . в 199-м внезапно июня в 26 день в 9 часу дни отвался язык и все тело расслабло, накось руки и ноги, и мало приоздравля, и снова в грамоте учился» («Служебная чертежная книга»). Похоронен в Суздальском Спасо-Евфимиевском монастыре.

Наиболее известно его «превосходное» (Филарет) наставление об обращении сибирских народов-язычников в христианство: «Лета 7189 мая в 15 день. . . указ игумену Феодосию да черному попу Макарию с братьею. Ехати им из Тобольска в Сибирские понизовские города. . . приехав в Дауры, в Селинчинском и в иных Даурских городех и острожках, иноверцев всяких вер от неверствия к истенней православной христианстей вере призывати. . . без тчеславия и гордости со благоучительным намерением, без всякого озлобления. . .». Сохранились 32 его грамоты с различного рода распоряжениями по делам епархии (1680—1691 гг.), в которых много места уделено борьбе с раскольниками. Язык грамот местами образен и выразителен. Предполагается, что при П. в Тобольске была создана Головинская редакция Сибирского летописного свода (Н. А. Дворецкая).

Соч.: АИ. СПб., 1842. Т. 5. С. 101—102; Древние церковные грамоты Восточного Сибирского края (1653—1726) и сведения о Даурской миссии, собранные миссионером архимандритом Мелетием. Казань, 1875. С. 8—42.

Лит.: Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 317; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 7. С. 318, 319, 321, 326, 329; РБС: «Павел пресодобный—Петр». СПб., 1902. С. 75—77; Андреев А. И. Очерки по истории источниковедения Сибири. М.; Л., 1960. Вып. 1: XVII век. С. 143; История Сибири, Л., 1968. Т. 2. С. 121; Дворецкая Н. А. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII века). Новосибирск, 1984. С. 43—45, 59.

В. К. Зиборова

Пазухин Марк Иоанн (вторая половина XVII в.) — переводчик. В 1676 г. перевел с польского и латинского книгу, получившую в переводе наименование «Инфирмария (Анфирмария) христианская» (M o s c i e k i. Infirmaria chreścianańska. . . Krakow, 1626). Известны два списка перевода (ЦГИА и ГБЛ). Сведения о переводчике по другим источникам неизвестны. Имя переводчика установлено А. И. Соболевским по тайнописи — «простой литорее». Перевод не опубликован.

Лит.: Строев П. Библиотека имп. ОИДР. М., 1845. С. 4, № 4; Соболевский И. Перводная литература. С. 209—210; Никольский А. И. Описание рукописей, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода. СПб., 1910. Т. 2, вып. 2. С. 131, № 2239.

О. А. Белоброва

Петлин Иван (первая половина XVII в.) — сибирский казак, участник посольства в Монголию (к алтын-ханам) и в Китай в 1618—1619 гг., автор «Росписи Китайскому государству и Лобинскому, и иным государствам, жилым и кочевым, и улусам, и великой Оби, и рекам и дорогам». Роспись дошла в двух авторских редакциях (вариантах); одна была создана еще в Сибири по возвращении П. в Томск между серединой мая—началом июля 1619 г., другая, записанная с его слов в Москве, — осенью того же 1619 г. Путь П. лежал по маршруту: Томск — кочевые земли алтын-хана — Абакан — Саяны у верховьев Енисея — Монголия — Пекин. П. с товарищами (ими были в числе других казаки Андрей Мундов и Петр Кизылов) удалось пересечь всю Монголию («Калканское царство») на пути к Северному Китаю.

В «Росписи» описаны разнообразные природные условия — от пастбищ и рощ до склонов гор и горных перевалов («итти щелью промежь камени страсти изымут»), степи, долины, пески. Внимание П. привлекли буддийские монастыри (которые он называет городами) с каменной и кирпичной кладкой храмов и палат, скульптурой («болваны», «звири»), с монахами-ламаистами в характерных желтых одеждах. В Китае П. отметил невоинственность народа («к воинскому делу робливы, а воюют с муганами»), обширные торговые связи с различными странами, многообразие товаров на внутреннем и внешнем рынке. Упоминает П. и великую китайскую стену («китайский крым»), где участники посольства «. . . сочили. . .

башен со сто». Значение отчетов о путешествии П. в том, что это первые дошедшие до нас описания Китайской земли, сделанные русским очевидцем и наделенные им чертами живой разговорной речи XVII в.

Соч.: Сибирский вестник. 1818. Кн. 8, отд. III. С. 211—236; Сахаров И. П. Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. 2. Кн. 8. С. 183—186 (приписано Ивану Петрову и Бурнашу Ялычеву); Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений, вошедших в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 430—437 (с тем же псевдонимом); Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882. Т. 1. С. 43—45 и 525 (отрывки; ошибочно приписано Василию Тюменцу и Ивану Петрову); Покровский Ф. И. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году // ИОРЯС. 1913. Т. 18, кн. 4. С. 257—304; V a d d l l e y J. F. Russia, Mongolia, China. London, 1919. Vol. 2. P. 81—86; Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607—1636. М., 1959. № 34. С. 81—86; Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Новые русские дипломаты в Китае: («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова). М., 1966. С. 41—55.

Лит.: Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли Российским оружием, сочиненная на немецком языке. . . И. Е. Фишером. СПб., 1774. Кн. 1. С. 267—268; Евгений. Словарь. Т. 2. С. 117; Строев. Словарь. С. 235; Фларет. Обзор. С. 223; В. С - и й. Петлин Иван // РБС: «Павел—Петр». СПб., 1902. С. 631; История русской литературы М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 119—121; Баянов А. Г. Первые русские путешествия в Монголию и Китай. М., 1954; Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. М., 1969. Т. 1. С. 79—95, 534.

О. А. Белоброва

Патрикий Патрикеевич (ум. 1757) — старообрядец-попoveц, глава дьяконовского согласия в Стародубье и на Ветке, автор посланий и полемических сочинений. Появился на Ветке в начале 3-го десятилетия XVIII в. В одном из следственных дел полковой стародубской канцелярии он называется «вдовым попом Патракеем Патракеевичем». Старообрядец Федор Семенов Чопов, попав в руки никонианских духовных властей в 1757 г., рассказывал следующее: тому будет 23 года, как «явился ему во сне некийсь человек старый. . . и приказал ему, Федору, дабы он от того времени крестился двоперстным сложением. . . Потом, как бы года с два, когда был он. . . в городе Орле, случилось ему увидеться в том городе с попом раскольниковым Патракеем Патрикеевичем вдовым (кой де ныне живет в слободе Зыбкой. . . с сыном своим Михаилом женатым, на едином дворе живет). . . И он де, Федор, от него, Патрикея, так от книг наставлен в расколе. . . что уже онаго оставить никогда не желает».

Первоначально П. П. поселился в заграничной старообрядческой слободе Вылевой. Из ветковских свидетельств известно, что в 1725 г. в бытность свою на Ветке П. П. вручил «через Еремея Семенова некоторому человеку тетради и тогда и ныне на тетради требует свидетельства», а потом, еще до 1727 г., подал в Ветковский Покровский монастырь «книжку за руками», в которой доказывал, что дьяконовцы кадят правильно (разногласия между дьяконовцами и ветковцами касались способа каждения во время службы). В этой поданной ветковскими отцами «книжке» он сравнивал церковный обычай ветковцев с «эллинским обычаем».

Книжка и тетради П. П. известны нам только по цитатам из ветковских сочинений. Если противники П. П. хулили его сочинения, то последователи и приверженцы, напротив, высоко ценили их. В дьяконовской «Книжице о каждении» литературная борьба П. П. с ветковскими учителями приравнивалась к деятельности дьякона *Александра*, защищавшего старообрядчество от обличений епископа Нижегородского Питирима: «О крестообразии, еже творят священный крест кадиллом. . . тридесять свидетельств, а вовторых вкратце 12 свидетельств подаде священный отец Патрикий на увещание ветковским учителем» (ГИБ, О. I. 489, л. 27—27 об.).

По мнению ветковцев, именно П. П. с другим дьяконовским учителем *Тимофеем Лысениным* добивались от панов Халецкого и Красинского,

на землях которых селились старообрядцы, устройства диспута между ветковцами и дьяконовцами. Диспут-собор состоялся в 1727 г. и, как писали ветковцы, окончился победой ветковцев; обличения ветковцев против дьяконовцев были настолько сильны, что «вельможные паны ему, попу Патрикию, отказаша, чтоб он на Ветку и в прочая слободы ни в какие дома, ни с какою потребою не входил, и чтоб: аще дети ево духовные восхотят, и они бы ходили к нему на Вылево». Ветковцы от имени собора послали во все слободы письма о том, чтобы П. в дома не пускать.

В момент первой «выгонки» Ветки в 1735 г. П. П. уцелел. Некоторое время он оставался чуть не единственным попом среди оставшихся в окрестностях Ветки старообрядцев, не тронутых русскими войсками. Он приобрел в этих условиях такую известность, что его даже называли «патриархом». Приблизительно около 1739 г. П. П. переселился в главную в то время стародубскую старообрядческую слободу Зыбку (нынешний г. Новозыбков). Благодаря П. П. слобода Зыбкая сделалась центром дьяконовского толка. В своих посланиях этого времени, изданных Андреем Иоанновым (Журавлевым), П. П. называл себя «благодатию Бога Спаса нашего Иисус Христа иерей, обретающийся в Стародубских слободах и по бласти Польского королевства церкви».

В первой половине 1753 г. полковая стародубская канцелярия командировала «для сыску и взятия раскольникчьего попа Петракея» атамана Лемешевича. Но зыбковские старообрядцы не допустили взятия своего наставника и побили явившихся атаманов с казаками. В 1758 г. консистория Черниговской епископии требовала сыску и поимки П. П. Но поиски не увенчались успехом, так как к тому времени П. П. уже не было в живых. О времени смерти П. П. сообщается в особой приписке одного из списков «Книжицы о каждении»: «1757 году преставился отец Патрикий месяца февраля в Великий пост, во вторую неделю, на память священномученика Поликарпа, епископа Змирнскаго».

Сохранились два послания П. П.: одно из них — это рекомендательное письмо священнику Афиногену, направляемому к заграничным дьяконовцам, другое — послание в слободу Борскую о том же Афиногене.

Соч.: Андрей Иванов (Журавлев). Полное историческое известие о древних строгониках и новых раскольниках. . . СПб., 1799. С. 287—290.

Лит.: Лилеев М. И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII—XVIII вв. Киев, 1895. Вып. 1. С. 363, 406—436, 438—457, 518, 519; Смирнов П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб., 1909. С. 279—280.

Н. В. Понурко

Пафнутий (ум. между 1732 и 1739) — старообрядец, автор посланий. Выходец из Соловецкого монастыря, где был священноиноком. При создании Выговского старообрядческого общежительства пришел к братьям *Андрею* и *Семену Денисовым* и остался на Выгу. В Выговском монастыре на П. лежала обязанность исполнять духовные требы. Он способствовал перенесению в церковный обиход поморцев традиций Соловецкого монастыря. Историк Выговской пустыни *Иван Филиппов* писал о П. так: «Муж велми духовен, много лет живый в Соловецкой обители и весь чин церковный и монастырский добре ведый»; по словам Филиппова, он «все-радостно благословляше устав общежительства и церковныя службы, возвещая вся благочестивыя уставы и обычаи Соловецкого монастыря и сладостно прилагашеся сего (т. е. Выговского, — *Н. П.*) общежительства уставу».

От П. дошло послание в Лексинскую обитель (женскую половину Выговского монастыря) «к дочерем . . . духовным» о необходимости соблюдать правила благочинного поведения («чтоб щапств в платье, и в походках, и убеленей, и власов учрежденей, от чего гордость бывает, соблюда-тися»). Так как в послании Андрей Денисов назван настоятелем, то позво-

лительно датировать сочинение временем после 17 сентября 1702 г., когда Андрей Денисов был избран главным наставником и управителем Выговского общежительства. Послание сохранилось в двух списках: БАН, собр. Дружинина, № 8 (20), л. 22 об. и ИРЛИ, кол. Заволоко, № 3 (Выговский чиновник), л. 25; оно не опубликовано.

П. С. Смирнов опубликовал еще одно послание от имени П. с «братством» ко всем старообрядческим общинам с просьбой поделиться своим опытом. С этим посланием к ним специально был отправлен выговский представитель Андрей Денисов. Послание датируется временем раньше 17 октября 1702 г., так как Андрей Денисов упоминается в нем только как «от причта единый сын и брат», а не как настоятель. В строгом смысле это послание следует считать коллективным, так как под ним кроме П. подписались («приложили руку») еще 19 человек.

Сохранились автографы П. в виде подписей под двумя соборными постановлениями и двумя уставными статьями в Выговском чиновнике (ИРЛИ, кол. Заволоко, № 3, л. 18 об., 116 об., 126 об., 133). Все эти документы относятся соответственно к 1719, 1726, 1732, 1734 гг.

В 1739 г., во время работы на Выгу следственной комиссии Квашнина-Самарина, старца П. называли уже умершим. Следовательно, он умер между 1732 и 1739 гг.

Соч.: Смирнов П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909. С. 0104—0106.

Лит.: Иван Филиппов. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. С. 86, 107; Дружинин. Писания старообрядцев. С. 225, 380.

{Н. В. Понырко

Петр Прокопьев (1665—25 IV (7 V) 1719) — первый уставщик Выговского старообрядческого общежительства, двоюродный племянник настоятелей *Андрея* и *Семена Денисовых*, автор посланий и др. сочинений. Как и братья Денисовы, П. П. был родом из села Повенец на Онежском озере. Отец его Прокопий умер в миру, о матери же Ефросинии, во иночестве Екатерине, известно, что она обратилась к пустынножительству (неясно только, вслед за П. П. или прежде него). Будучи 19 лет отроду, П. П. ушел из мира и «поживе в пустыни 35 лет» до конца своих дней. Это значит, что странническую жизнь в лесах он начал около 1684 г., т. е. за 10 лет до основания Выговского монастыря. В монастыре П. П. жил с момента его создания (вывез туда своих сестер Февронию и Татьяну), был одним из его организаторов и главным уставщиком («екклезиархом»). Он владел пением по знамени и обучал этому искусству других, учил также и грамоте. Как блюститель устава богослужения П. П. заботился об учреждении часовен в скитах монастыря. В первые годы по созданию Выговского общежительства П. П. участвовал в организованной Андреем Денисовым деятельности по сбору книг и икон. С этой целью он ездил во Псков и Новгород. Андрей Денисов говорил о П. П., что он «чтению священных писаний, яко райския сладости по дни и по нощи выну наслаждатися не преста, читая, преписуя, каталоги устраоя» (Слово надгробное блаженных памяти боголюбивому Выгопустынного общежительства екклезиарху Петру Прокопиевичу: Сочинено того же общежительства господином киновиархом Андреем Дионисиевичем / Сообщ. И. Д. Беляев // Русская старина. 1879. Т. 26. С. 523—537). Как сообщает выговский историк *Иван Филиппов*, П. П. собрал корпус Четьих Миней из 12 книг (сам переписывая и разыскивая тексты, а также побуждая к этому Андрея и Семена Денисовых), которые служили выговцам все последующие годы существования монастыря (История Выговской старообрядческой пустыни: Издана по рукописи Ивана Филиппова / Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1862. С. 107, 136, 141, 156—165. Выговцами создана служба в честь П. П. и написаны «Рифмы воспоминательные о екклезиархе Вы-

горького общежителства Петре Прокопьевиче» (см.: П о н ы р к о Н. В. Выговское силлабическое стихотворство // ТОДРЛ. М.; Л., 1977. Т. 29. С. 290).

Из сочинений П. П. известны следующие. 1) Послание к *Даниле Викулину* о самоубийственных смертях (о том, что «предающие себя во время гонения ради благочестия и за правоверие самовольной смерти во огонь и в воду или инако како, удастаиваются венцов и похвал от господ»). Как предполагает П. С. Смирнов, это сочинение, созданное в ответ на вопрошение Данилы Викулина, оправдывавшего в 90-х гг. XVII в. сторонников «самоубийственных смертей», написано также в 90-х гг. 2) Послание к некоему Михаилу Степановичу о «суете и прелести» жизни и о необходимости более заботиться о спасении душевном, нежели о внешнем украшении, ризах и проч. 3) Обращение перед смертью к Семену Денисову. 4) Духовная («Отца Петра Прокопьевича писание прощательное и умиленное о себе со извещением»). 5) Наставление перед смертью сестрам Февронии и Татьяне («Написание блаженных памяти отца Петра Прокопьевича»). 6) Завещание (перечислены келейные книги и иконы П. П.).

По мнению П. С. Смирнова, П. П. принадлежат также два послания к новгородцу Никифору Семенову по нескольким обрядово-догматическим вопросам, подписанных в рукописях именем Поликарпа Яковлевича. В. Г. Дружинин не разделял этого мнения и поместил оба послания в своем справочнике под именем Поликарпа Яковлева (см.: Д р у ж и н и н. Писания старообрядцев. С. 270).

Соч.: С м и р н о в П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб., 1909. С. 95—101, 307—310, 081—0100 (послания к Даниле Викулину, Михаилу Степановичу, Никифору Семенову).

Лит.: П ы т и н А. Н. Сводный старообрядческий Синодик: Второе издание Синодика по четырем рукописям XVIII—XIX в. СПб., 1883. С. 30 (ПДП И); С р е з н е в с к и й В. И. Из истории поморского согласия. 1. Лексинский летописец // Материалы к истории и изучению русского сектанства и раскола / Под ред. В. Бонч-Бруевича. СПб., 1908. Вып. 1. С. 277; С м и р н о в П. С. Лексинская беспоповщинская пустынь в первое время ее существования // Христ. чт. 1910, март. С. 326—331; Д р у ж и н и н. Писания старообрядцев. С. 327—240 (дан перечень списков сочинений П. П. и посвященных ему произведений).

(Н. В. Понырко)

Питирим (ум. 19 IV 1673) — патриарх Московский, автор духовного завещания, документов собора 1666—1667 гг., уроженец Суздаля, постриженник Спасо-Ефимиева монастыря. В этом монастыре П. сделался архимандритом. В сан митрополита Сарского и Подонского, или Крутицкого (по Крутицкому монастырю в Москве, где жили владыки Сарской епархии), П. был возведен в 1656 г. уже из архимандритов Московского Спасского, что на Новом, монастыря. На Крутицах П. оставался митрополитом девять лет, до августа 1664 г., когда был поставлен в митрополит Новгородские. По обычаю как митрополит Крутицкий он в течение шести лет до этого ведал в качестве местоблестителя патриаршим престолом после самовольного оставления его *Никоном*. 7 июля 1672 г. уже в преклонных летах П. был избран на патриарший престол Московского государства, через десять месяцев после этого он скончался (см.: Роспись, или Краткий летописец новгородских владык // ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 192—193).

Когда в 1656 г. по случаю объявления войны шведам царь *Алексей Михайлович* выезжал из Москвы к своему войску, готовившемуся к военным действиям на западных границах, в его свите находился новопоставленный митрополит Крутицкий П. В Полоцке произошла его встреча с начинавшим тогда свою карьеру *Симеоном Полоцким*, который выступил перед царем и его свитой с торжественным стихотворным приветствием. В этом сочинении к П. были обращены следующие строки:

И твое святительство хвалим буди, Питириме,
 Освященный митрополите всегда и ныне,
 Яже на сей войне всячески потрудился еси,
 Всегда утверждая воинство сладкими словесы,
 Дабы несумненно шли воевати за веру,
 Ты же о сем приносил всегда святую оферу.

Можно ли из этих строк делать вывод о том, что деятельность П. как духовной особы при русском войске заключалась в устной проповеди («Всегда утверждая воинство сладкими словесы»), или их следует расценивать всего лишь как этикетные слова? Для однозначного ответа на этот вопрос нет достаточных данных.

Знакомство патриарха П. с придворным дидаскалом Симеоном Полоцким было, как видим, давним. В московских бумагах Симеона сохранились речи П. и даже его духовное завещание (см.: ГИМ, Синодальное собр., № 229, л. 277 об.). Писал ли их Симеон для П. или только редактировал? Или тексты П. понадобились Симеону для каких-то особых литературных целей? На примере литературной обработки деяний собора 1666 г. видно, что подлинные речи, говоренные разными лицами, Симеон Полоцкий заменял писаниями своего собственного сочинения. Именно на месте торжественной речи П., обращенной к царю (царь открыл собор своим Словом, а П. в ответ на него произнес речь), в «Деяниях» Симеона Полоцкого значит: «Здесь речь преосвященного митрополита написать или вместо ея сей Ответ»; вслед за этими словами помещена речь, сочиненная Симеоном.

Кроме короткой грамоты 1644 г. о том, можно ли священносынонаха поставить архиереем (в связи с делом патриарха Никона), писанной в ответ на запрос царя, и уведомительной грамоты о собственном возведении на патриарший престол в 1672 г. к цареградскому патриарху Дионисию от П. дошло два документа, связанных с собором 1666—1667 гг., низложившим патриарха Никона и осудившим старообрядчество, — собором, в котором П. принимал деятельное участие. Это лаконичное «Исповедание» православности восточных патриархов, греческих богослужебных книг и московского церковного собора 1654 г. — документ, открывающий собой соборный акт 1666 г., подписанный вслед за П. прочими архиереями и другими духовными лицами, и Ответ царю на первом заседании собора (как уже было сказано, он сохранился в изложении Симеона Полоцкого). Собору 1666 г. предшествовала торжественная встреча в Москве восточных патриархов Макария Антиохийского и Паисия Александрийского, прибывших на собор.

Будучи митрополитом Новгородским, П. написал духовное завещание (дата написания неизвестна); оно составлено в привычных традициях этого жанра. Став патриархом, П. написал новое духовное завещание (17 апреля 1673 г., за два дня до смерти), представляющее собой небольшую переделку первого.

Соч.: ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 193—197 (духовное завещание митрополита П.); Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. <М., 1876>. Т. 2. С. 34, 64—65, 74—77 («Исповедание» и Ответ царю на соборе 1666 г.); П о п о в М. Г. Материалы для истории патриарха Московского Питирима // Христ. чт. 1890, сентябрь—октябрь. С. 489—523 (грамота к патриарху Цареградскому Дионисию и духовное завещание патриарха П.); Дело о патриархе Никоне / Изд. Археологической комиссии. СПб., 1897. С. 120 (грамота о том, можно ли священносынонаха поставить архиереем).

Лит.: М а к а р и й. История русской церкви. СПб., 1883. Т. 12. С. 332—378; Т а т а р с к и й И. Симеон Полоцкий. М., 1886. С. 49—50, 100—101; К а п т е р е в Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1912. С. 29—32, 150; П о н ы р к о Н. В. Житие протопопа Аввакума как духовное завещание // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 379—387.

Пожарский Дмитрий Михайлович (1578—20 IV 1642) — князь, воевода, один из ведущих организаторов и руководителей Первого и Второго народных ополчений против польско-шведской интервенции, автор агитационно-патриотических грамот и посланий. Сын Михаила Федоровича Пожарского и Марии Федоровны Беклемишевой, П. принадлежал к западному роду князей Стародубских, которых постигла опала *Ивана IV*. Род Пожарских начал вновь подниматься при *Борисе Годунове*: в 1598 г. П. — стряпчий, а с 1602 г. — стольник. При Лжедмитрии I, весной 1606 г., П. исполнял обязанности дворецкого.

С приходом к правлению Василия Шуйского и началом открытой польско-шведской интервенции П. неоднократно участвовал в военных действиях и с февраля 1610 г., став воеводой Зарайска, фактически возглавлял национально-освободительную борьбу. За воинскую доблесть в период «московского осадного сидения» и верное служение П. получил от Шуйского вотчину из своих старых родовых поместий в Суздальском уезде — с. Нижний Ландех и посад Холуй с прилежащими деревнями, починками и пустошами. П. стал одним из организаторов Первого народного ополчения, предводительствуемого *П. П. Ляпуновым*. Прибыв со своими ратниками в Москву к началу вспыхнувшего там 19 марта 1611 г. восстания против оккупантов, П. сыграл активную роль в уличных боях на Лубянке, в которых получил тяжелое ранение, и был вывезен сначала в Троице-Сергиеву лавру, а затем лечился от ран в своем родовом поместье Суздальского уезда, в Мугреевской вотчине на р. Лухе. Приглашенный в качестве военачальника Второго народного ополчения в конце октября 1611 г., П. прибыл в Нижний Новгород.

В Ярославле Нижегородское народное ополчение задержалось на четыре месяца, пробыв там с первых чисел апреля до конца июля 1612 г. Это «промедление» было вызвано необходимостью организационного упорядочения общественной жизни ополчения, формированием временного земского правительства (собранного по два человека «изо всяких чинов»), в котором П. как военачальник земского ополчения временно становился представителем закона и верховной государственной власти. (Законную силу приобретали только те документы, те грамоты и распоряжения, которые были составлены от его имени и от имени членов «совета всей земли», учитывая, «как будет прибыльнее земскому делу»). В Ярославле был создан ряд Приказов, ведавших составлением и рассылкой деловых грамот. Кроме того, был необходим нейтралитет со Швецией, и с этой целью в конце июня 1612 г. П. успешно проводит дипломатический прием новгородских послов, фактически означавший заключение перемирия со шведами. Два послания П. отправил германскому императору Матфею с просьбой помочь «казной» и дипломатически воздействовать на короля Сигизмунда III — «отписати» ему, чтобы прекратил «кровопролитие» и вывел войска из Москвы.

14 августа 1612 г. войска прибыли в Троице-Сергиев монастырь, где П. предполагал выработать общие договорные условия для совместных военных действий с подмосковными отрядами, предводительствуемыми князем Д. Т. Трубецким. Однако характер совместных действий Нижегородского и Подмосковного ополчений пришлось формировать уже в ходе боев с войсками Ходкевича. После совместного победоносного сражения между военачальниками П. и Трубецким было утверждено полное согласие: на Неглинной были поставлены общие Разряды и Приказы, а из грамот ополчения действительными признавались только те, на которых имелись подписи обоих предводителей. На следующий же день после сдачи оккупантов состоялось торжественное вступление в Кремль победоносных ополченческих войск. На этом официально заканчивалась деятельность П. как военачальника Второго народного ополчения. Одной из последних составленных совместно с Трубецким была «челобитная» П. от имени всех участников освобождения столицы и царских «холопов» «Митьки Трубец-

кого да Митьки Пожарского» перед прибытием нового самодержца из Костромы в Москву.

За взятие Москвы согласно «Докладной выписке 1613 г. о вотчинах и поместьях» П. получил, по распоряжению Земского собора, новой земельной «дачи 2500 чети» и был возведен в сан боярина. (Подпись «боярина» П. стоит на десятом месте под грамотой 1613 г. об избрании на царство *Михаила Федоровича*. Награды П. вотчинами были подтверждены царем жалованными грамотами 1619 и 1621 гг.) Однако избрание на царство Романова сильно изменило прежнюю местническую лестницу, выдвинув в первые ряды родственников царя, благодаря чему П. оказался далеко не первым среди бояр, а это в свою очередь повлияло на его положение при дворе и вызвало его многочисленные местнические счеты (в 1613 г. с Г. Г. Пушкиным и Б. М. Салтыковым, в 1617 г. с И. А. Колтовским, в 1619 г. с Ф. Л. Бутурлиным и Г. Г. Пушкиным, в 1624 г. с Д. И. Долгоруким, в 1627 г. с князем Волконским, в 1631 г. с В. В. Волинским, в 1634 г. с Г. Г. и Б. Г. Пушкиными; в основном это были случаи отказа быть в «подручных» у П., и во всех случаях, кроме одного — с В. М. Салтыковым, — П. был оправдан).

П. принимал участие во всех торжественных церемониях, имевших важное государственное значение, начиная с венчания на царство Михаила Романова, продолжал участвовать в дипломатических переговорах и приемах иностранных послов. Однако основной его деятельностью, несмотря на мешавший тому недуг, оставалась воинская служба. В июне 1615 г. П. вместе с воеводой С. И. Исленьевым и дьяком Заборовским был направлен царем против войск Лисовского. В течение 1617—1618 гг., во время вторжения в русские пределы войск королевича Владислава, царь направлял его на самые трудные участки сражений. С 21 августа 1628 г. по 1629 г. П. был воеводой Новгорода вместо умершего Г. П. Ромодановского. В конце апреля 1631 г. П. вместе с М. Б. Шейным был назначен воеводой в Смоленск, но сослался на болезнь («сказал на себя черный недуг»), и 4 июня 1632 г. был назначен воеводой по крымским вестям на Коломенскую дорогу. В 1637 г. в связи с угрозой нападения на столицу крымского хана Нураддина П. был назначен смотрителем за оборонными работами по обнесению Москвы земляным валом, а в 1639 г. он был поставлен воеводой в Переславле-Рязанском.

В промежутках между исполнением обязанностей П. неоднократно назначался начальником разного рода Приказов: в 1619 г. ведал только что учрежденным Ямским приказом; с 19 июля 1621 г. по декабрь 1628 г. состоял начальником Разбойного приказа и внес дополнения и изменения в его прежний устав; а с 1634 г. по 1638 г. и в 1639 г. был начальником Московского Судного приказа.

П. был дважды женат и имел троих сыновей. Фамилия его первой жены Прасковии Варфоломеевны неизвестна; вскоре после ее кончины в августе 1635 г. он женился на княжне Феодоре Андреевне Голицыной. Согласно легенде перед смертью П. принял монашество с именем Козьмы — в память своего бывшего соратника Минина. Погребен в родовой усыпальнице Спасо-Евфимиевского Суздальского монастыря (что подтверждено раскопками С. А. Уварова 1852 г.).

Кроме агитационных грамот и посланий периода Второго ополчения письменное наследие П. представлено подписанными им деловыми документами (известны его автографы, скрепленные его печатью) и Разрядной книгой за 1577—1605 гг.

Из окружных агитационных грамот от имени П. (по их стилистическим особенностям) могут быть выделены памятки раннего, нижегородского, периода (рубежа 1611—1612 гг.) и ярославские агитационные грамоты (начиная с грамоты 7 апреля 1612 г. и включая окружную июньскую грамоту в Путивль, а также послания германскому императору 1612 г.).

Нижегородские агитационные грамоты еще сохраняют некоторые черты, свойственные агитационной патриотической письменности (отпискам, грамотам, воззваниям), которыми широко обменивались между собой в 1608—1610 гг. северные и поволжские города: им еще присуща деловитая лаконичность и некоторая простота изложения. Однако наличие в них торжественной украшенности изложения, риторических оборотов речи, элементов литературной обработки стиля в отличие от живой разговорной и деловой речи агитационной письменности, а также содержание призывов больше сближают грамоты с агитационными воззваниями *Гермогена*. В ярославских же окружных грамотах 1612 г. от приемов агитационной патриотической городской письменности осталось лишь традиционное оформление адресата и призывов. Центральная часть этих грамот, так же как и посланий германскому императору от 20 июня 1612 г., содержит историко-литературное повествование о Смуте со времени прекращения династии Калиты до распада ополчения П. П. Ляпунова. По сути это историко-публицистические повести о событиях начала XVII в., оформленные в виде грамот и посланий. С. Ф. Платонов отмечает влияние воззваний, рассылаемых от имени П. «со товарищи», на содержание и стиль литературных памятников той поры, в частности на *Плач о пленении и конечном разорении Московского государства*, автор которого повествует о Смуте преимущественно по тексту грамот П., усвоив из них трактовку исторических событий одновременно с их фактическими ошибками, заимствуя из них отдельные фразы и выражения и «даже последовательность изложения» (П л а т о н о в. Древнерусские сказания. . . С. 112—113).

Степень участия самого П. в составлении патриотических воззваний не установлена. Деловые грамоты с распоряжениями П. составляли дьяки Сыдавней Васильев, Иван Софонов, Афанасий Евдокимов, Михайло Данилов, Семен Головин, Андрей Иванов, а «справляли» грамоты подьячие Юшка Горяинов, Семейка Матюшин. (В случае, когда документ направлялся повторно, его скрепляла личная подпись и печать П.) Эти же приказные дьяки, среди которых были опытные и литературно образованные, очевидно, принимали участие и в написании агитационных грамот, рассылаемых от имени П.: в Ярославле это были дьяки Василий Юдин (состоявший в Приказе Второго ополчения еще в Нижнем Новгороде) и Андрей Иванов, а грамоты соединенного ополчения, предводительствуемого П. и Трубецким, вероятно, составлял думный дьяк Сыдавней Зиновьев Васильев.

Разрядная книга П. за 1577—1605 гг. (ГБЛ, ф. 79, собр. Горского, № 16), обследованная В. И. Бугановым, составлялась после 1612 г., очевидно, домашним писцом под наблюдением владельца.

Размашистый почерк автографов Пожарского известен, в частности, по «данной» и дарственной его приписке на Евангелии, вложенном в Суздальский Спасо-Евфимиевский монастырь (ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 316, л. 4 об. и 5) и др. (Кроме того, дарственная запись была оставлена П. на Церковном уставе, который он вложил в Зарайский Никольский собор в ознаменование победы над Исаией Сумбуловым.)

Соч.: ДРВ. 2-е изд. М., 1790. Ч. 15. С. 177—191; СГГД. М., 1819. Ч. 2, № 281—283. С. 593—600; № 285. С. 604—607; № 287. С. 609; М., 1822. Ч. 3, № 29. С. 136—137; ААЭ. СПб., 1837. Т. 2, № 201—206. С. 338—351; № 216—II. С. 366—367; Т. 3, № 179—185. С. 261—267; № 239—240. С. 354—359; № 243—245. С. 370—374; № 379; A d e l u n g F. Schreiben des Fürsten Dmitri Michailowitsch Posharsky an den römischen Kaiser Mathias d. d. Jaroslawl d. 20. Juni 1612. St.-Petersburg, 1840. XII. 23; АИ. СПб., 1841. Т. 2, № 336—339, № 341—343. С. 407—408; Г а л а х о в А. Историческая хрестоматия церковно-славянского и русского языка. Т. 1 (IX—XVIII ст.). М., 1848. С. 393—395, 403—404; F i d l e r J. Zur russischen Geschichte // Slavische Bibliothek oder Beiträge zur Slavischen Philologie und Geschichte / Hrsg. von F. Miklosich. Wien, 1851. Bd 1. S. 19—42; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 2 (XI. Сношения Михаила Федоровича с императором Матфеем. 1613). СПб., 1852. Стб. 984—986, 1004—1008, 1404—1432; С а в в а и т о в П. Современное известие о делах под Москвою в сентябре 1611 года // Учен.

зап. АН по 1 и 3 отд. СПб., 1855. Т. 3, вып. 1. С. 94—96; Буслеев. Историческая хрестоматия. Стб. 995—999; Грамоты и отписки 1611—1612 г. курмышскому воеводе Елагину // ЛЗАК за 1861 г. СПб., 1862. Вып. 1, отд. II. С. 8—27, № 1—3, 6—7, 9—11, 18; Акты, относящиеся до исторического быта. СПб., 1864. Т. 2, № 191. Стб. 601—603; Памятники истории нижегородского движения в эпоху «Смуты» и земского ополчения 1611—1612 гг. // Сборник, изд. Нижегородской губернской ученой архивной комиссией. Т. 11. В память 300-летия Нижегородского подвига. СПб., 1912. С. XX—XXXIII (Тураева-Церетели Е. Ф. «Отражение Нижегородского движения 1612 г. в литературных памятниках XVII в.»). С. 123—124 (№ LXXI), 131—137, 149—150 (№ LXXVI—LXXXVI), 158—274 (№ CII—CLXIV), 324—329 (№ CLXXVIII—CLXXIX), 528—538: Приложения (Тодорский П. П. «Сведения о кн. Д. М. Пожарском и его вотчинах и материалы к его биографии»); Любомиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг. Пгр., 1917. Приложения. С. 237—245 (переизд. с доп. М., 1939. С. 233—241).

Лит.: Малиновский А. Ф. Биографические сведения о князе Дмитрие Михайловиче Пожарском. М., 1817; Бекетов П. П. Собрание портретов россиян. . . с приложением их кратких жизнеописаний. М., 1821. Ч. 1. С. 66—70; Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей Русской земли. М., 1836. Ч. 4. С. 154—164; Иванов П. И. Местничество. Дела // Русский исторический сборник, издаваемый ОИДР. М., 1838. Т. 2. С. 294—295; 1842. Т. 5. С. 328—329, 334—336; Мельников П. 1) Нижний Новгород и нижегородцы в «Смутное» время // Отечественные записки. СПб., 1843. Т. 29, отд. II. С. 24—32; 2) Несколько новых сведений о «Смутном» времени, о Козьме Минине, князе Пожарском и патриархе Ермогене // Москвитянин. 1850. № 21, отд. III. С. 1—12; Голохвастов Д. П. Замечательные случаи по местничеству в царствование Михаила Федоровича, извлеченные из рукописной Разрядной книги // ЧОИДР. 1848. Кн. 9, отд. IV: Смесь. С. 227—230, 252—253, 260—265; Чичагов Н. П. Жизнь князя Пожарского, келара Палицна и гражданина Минина. СПб., 1848; Смирнов С. 1) Боярин и воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарский // Отечественные записки. СПб., 1849. Т. 67, отд. II. С. 41—114; 2) Биография князя Дмитрия Михайловича Пожарского. М., 1852 (с родосл. табл.); Серебренников С. Князь Дмитрий Михайлович Пожарский и нижегородский гражданин Кузьма Минич Сухорукий в Ярославле в 1612 г. (Эпизод из неизданной истории г. Ярославля) // Ярославский литературный сборник. Ярославль, 1851. С. 39—71; Коркунов М. А. О грамоте Земской думы 1612 года // ИпоОРЯС. СПб., 1852. Т. 1. С. 189—192; Погоди Н. М. П. Исследование о месте погребения князя Дмитрия Михайловича Пожарского // Москвитянин. М., 1852. Т. 5 (№ 19, кн. 1, № 10, октябрь), отд. III. С. 38—80; Арсеньев К. И. Высшие правительственные лица времен царя Михаила Федоровича. СПб., 1857. С. 20—22; Новиков Н. Н. О доме князя Д. М. Пожарского в Москве на Лубянке // ЧОИДР. 1870. Кн. 2, отд. V: «Смесь». С. 169—172; Костомаров Н. И. 1) Личности «Смутного» времени: Михаил Скопин-Шуйский—Пожарский—Минин—Сусанин // Вестник Европы. СПб., 1871. Т. 3. Июнь. С. 502—516; 2) Кто виноват в «Смутном» времени? // Там же. 1872. Т. 5 (37). Сентябрь. С. 26—34; Забелин И. Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в «Смутное» время // Русский архив. М., 1872. № 2—6, 12. Стб. 353—424, 581—621, 881—926, 2436—2499 (отд. изд.: М., 1883; 3-е изд., доп. М., 1896); Буторин М. Д. О месте погребения князя Дмитрия Михайловича Пожарского и о том, где он лечился от ран осенью 1611 г. // ЧОИДР. 1875. Кн. 4. С. 1—47; Платонов С. Ф. 1) Древнерусские сказания и повести о «Смутном» времени XVII века как исторический источник. СПб., 1888. С. 109—116; 2) Очерки по истории «Смуты» в Московском государстве XVI—XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в «Смутное» время). СПб., 1899. С. 365, 527, 533—565, 569, 638—647 (переизд. М., 1937); 3) Московское правительство при первых Романовых // Статьи по русской истории (1883—1912). 2-е изд. СПб., 1912. Т. 1. С. 339—406; 4) К истории московских земских соборов // Там же. С. 310—319 (см. также: Заметки по истории московских земских соборов // Платонов С. Ф. Статьи по русской истории (1883—1902). СПб., 1903. С. 5—16); 5) «Смутное» время. Пб., 1923. С. 139—149; Барсуков А. П. Докладная выписка 121 (1613) г. о вотчинах и поместьях // ЧОИДР. 1895. Кн. 1, отд. 1. С. 5; Корсакова В. Пожарский, кн. Дмитрий Михайлович // РБС. СПб., 1905. Т. 15. С. 221—247; Савелов Л. М. Князья Пожарские. Родословие: Приложение // Летопись историко-родословного общества в Москве. М., 1906. Вып. 2 и 3.; Веселовский С. Б. Акты подмосковных ополчений и земского собора 1611—1613 гг. М., 1911; Сухотин Л. М. К истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг. // ЧОИДР. 1915. Кн. 3 (254): Смесь. С. 40—53 (реп. на кн. П. Г. Любомирова); Любомиров П. Г. 1) Одна из грамот кн. Пожарского: (Этюд из начальной истории Нижегородского ополчения) // ЖМНП. 1912. № 12, отд. IV. С. 225—256; 2) Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг. // ЖМНП. 1913. № 2. С. 301—340; № 3. С. 137—160; № 10. С. 274—322; 1914. № 3. С. 1—62; № 9. С. 1—94 (отд. изд.: Пгр., 1917; М., 1939); Замятин Г. А. К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611—1616 гг.). Юрьев, 1913. С. 34—94; Лихачев Н. П. Земская печать Московского государства в «Смутное» время // Нумизматический сборник Московского нумизматического общества. М., 1915. Т. 3. С. 263—283; Садиков П. А. «Земская» печать и Нижегородское ополчение 1611—1612 гг. // ЛЗАК. Л., 1929. Вып. 35. С. 1—

10; Генкин Л. Б. Ярославский край и разгром польской интервенции в Московском государстве в начале XVII века. Ярославль, 1939. С. 155—166; Козаченко А. И. Разгром польской интервенции в начале XVII в. М., 1939. С. 129—164; Дайри Н. Минин и Пожарский // Ист. журнал. М., 1940. № 8. С. 44—58; Парусов А. И. Нижегородское ополчение 1611—1613 гг. // Горьковская область. 1941. № 1. С. 40—43; Бахрушин С. В. Минин и Пожарский. Ташкент, 1942 («Великие русские полководцы»); Бибиков Г. Н. 1) Минин и Пожарский. М., 1942; 2) Бой русского народного ополчения с польскими интервентами 22—24 августа 1612 г. под Москвой // ИЗ. М., 1950. Т. 32. С. 173—197; Чебаевский Ф. Путь Нижегородского ополчения // Ист. журнал. М., 1942. № 12. С. 42—47; Великое дело Минина и Пожарского: Сб. под ред. Н. М. Добротвора. Горький, 1943 (1944) (Труды Горьковского пед. ин-та; Т. 11); Данилевский В. В. Дмитрий Пожарский. М., 1944 (см. также изд. 1942, 1943 гг.); Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 285 и др.; Бахрушин С. В., Савич А. А. Борьба за освобождение Москвы от интервентов в 1612 году // Вестник АН СССР. 1947. № 7. С. 62—72 (перезд.: История Москвы. М., 1952. Т. 1, гл. 4); Шепелев И. С. Организация Первого земского ополчения в 1611 году // Учен. зап. Казанского гос. пед. ин-та. Т. 5. Каф. обществ. наук. Ставрополь, 1949. С. 179—183; Т. 6. 1951. С. 207—254; Оськин Г. И., Карасев А. В. Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский. М., 1951. С. 37—92; История СССР: Указатель советской литературы за 1917—1952 гг. М., 1956. Т. 1. С. 388—390; Андрианова-Перетц В. П. Литература 1580-х—1610-х годов: Возникновение и расцвет историко-публицистической повести // История русской литературы. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 263—264; Буганов В. И. Разрядная книга Д. М. Пожарского // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1958. Вып. 20. С. 90—104; Голубев И. Ф. Два неизвестных стихотворных послания первой половины XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л. 1961. Т. 17. С. 396—413 (послание С. И. Шаховского к П.); Сергеев В. И. Д. М. Пожарский // Сов. ист. энциклопедия. М., 1968. Т. 11. С. 246—247.

Н. Ф. Дробленкова

Поликарпов-Орлов Федор Поликарпович (ок. 1670—12 I 1731) — писатель и поэт, лексикограф, переводчик, книгоиздатель, учитель академии. Московский житель, П.-О., имея от роду 10 лет, поступил в школу «греческого чтения, языка и письма» при Печатном дворе, а после открытия Славяно-греко-латинской академии стал ее учеником, где на протяжении 9 лет усваивал греческий и латинский языки, риторику, диалектику, логику, философию, физику, учился вести диспуты, писать стихи. С 1690 г. П.-О., оставаясь учеником академии, работал писцом на Печатном дворе. В 1694 г. после отстранения *Иоанникия* и *Софрония Лихудов* П.-О. назначен учителем академии, где преподавал грамматику, поэтику и риторику. В марте 1698 г. П.-О. был назначен справщиком Печатного двора, где сначала работал под начальством *Кариона Истомина*, а в 1701 г. поставлен во главе типографии. С небольшим перерывом (1722—1726 гг.) П.-О. руководил деятельностью Московской типографии до конца своей жизни. Занимая видное положение в государстве, П. был ярким представителем русских интеллектуалов нового времени, активным участником петровских преобразований в области культуры; неоднократно выполнял личные поручения Петра Великого.

В 1698 г. П.-О. составил *Службу иконе Грузинской Божьей матери* («сочинися трудом царственныя Московской типографии смотрителя и еллиногреческия школы учителя Феодора Поликарпова» — БАН, Архангельское собр. С. 117, л. 2 об.—3), причем в предисловии особо отмечен характерный для него прием работы: «в речениях и в прописании орфографии, яже имаше неслично и погрешительно, исправися лучшим грамматическим исправлением, елико возможно». Повышенное внимание к слову определило основное направление почти всех его последующих работ. В начале XVIII в. П.-О. издает два своих лексикографических труда. В 1701 г. был напечатан «Букварь славенскими, греческими, римскими писмены учиться хотящим, и любомудрие в ползу душеспасительную обрести тщащимся. . .». Акrostих, находящийся на обороте заглавного листа, сообщает имя автора: «Богодара (т. е. Федора, — В. З.) труд». Букварь состоит из двух частей — учебная книга для чтения и письма на трех языках и славяно-греко-латинский словарь. В первой части П.